

Олег Гонозов

Человек с барахолки

Олег Гонозов

Человек с барахолки (сборник)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9987659

ISBN 978-5-4474-0951-7

Аннотация

В двух словах это книга о жизни без прикрас. Автор исследует ситуации сложные, порой драматические и даже жестокие. Герои рассказов Олега Гонозова – люди разного возраста, социального положения, образа жизни. Сюжеты разворачиваются в «годы застоя», лихие 90-е, наши дни. Действие происходит в тесных коммуналках, общежитиях, больницах, даже в морге и на кладбище, и, конечно, на любимых россиянами курортах Египта и Турции.

Содержание

Как только разжались объятья	5
Девушка из морга	13
Человек с барахолки	31
Турецкая ночь	61
Все отлично	91
Почемучки	130
Конец ознакомительного фрагмента.	149

Человек с барахолки

Олег Гонозов

© Олег Гонозов, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Как только разжались объятья

1

Мы с Колькой сидели на лоджии общежития и курили. Голые. А что такого? Взяли и вышли в чем мама родила. Старший товарищ предложил, а я не спорил. Длинный, сутулый, с выпирающими ребрами и куриной грудью, Колька напомнил Дон Кихота в бане.

С пятого этажа нам хорошо видно, как внизу выстраивается очередь к бочке с квасом. Пропустить бы кружечку совсем не помешало. А еще лучше две. Пивка. Для рывка. Напротив бочки какой-то умник догадался повесить плакат с бодро шагающими комсомольцами, на котором аршинными буквами было написано: «Ленинский комсомол – надежный помощник партии, передовой отряд молодых строителей коммунизма!» Это выходит, и мы с Колькой – тоже передовой отряд молодых строителей коммунизма.

– Уехать бы сейчас куда-нибудь, – провожая взглядом хвост пассажирского поезда, вздыхает Колька.

– Куда?

– Да куда-нибудь на море. Ты был на море?

– Нет...

– И я не был.

– Ладно, пошли, что ли? – Колька затушил сигарету

и щелчком отправил ее в космический полет.

– Пошли!

Несмотря на занавешенные шторы в комнате было светло. Я рыбкой нырнул под бок к Ольге, Колька – к Надьке. Нас разделял письменный стол со следами ночного пиршества: подсохшим хлебом, колбасными шкурками, огрызками яблок и бычками сигарет. На полу стояла дружная кампания пустых бутылок: три «колдуньи» и чекушка. С «ершом» моя инициатива, Колька так и не понял, зачем я брал в магазине четверку водки. А ведь только благодаря ей удалось и уложить девчат в койку.

2

Мы высмотрели их на «Веранде» – круглой под навесом танцплощадке в парке моторного завода. Школьники сюда обычно не совались. Приходила в основном рабочая молодежь. Я выбрал худенькую с короткой стрижкой. А Кольке досталась ее рыженькая грудастая подруга. Он вообще-то любил пышечек и спорить не стал. От девчат пахло красным вином и духами «Индийский сандал». А одеты они были, как сестры-близняшки во все одинаковое, и что больше всего убивало – короткие резиновые сапоги на белые гольфы!

От танца к танцу новые знакомые становились нам все ближе и родней. И через десять минут танцевальных объятий я знал, что мою барышню зовут Оля, а Колькину – На-

дя, обе работают на фабрике, а живут у черта на куличках – на самом краю города.

Естественно сразу встал вопрос: ехать на троллейбусе до их общежития или соскочить возле нашего. Время позднее и не хватало только застрять где-нибудь на окраине. Мы рассказывали им не очень приличные анекдоты, а на троллейбусной остановке поставили вопрос ребром: можем ли рассчитывать на ночлег? А то, мол, ночь на дворе, а вокруг одни хулиганы.

– А мы хулиганов не боимся, – рассмеялась Ольга, лихо достав из правого сапога мельхиоровый нож. Надя играючи вытащила еще один такой же.

– Ни фиги себе! – вздрогнул от неожиданности Колька. Ножички у девчонок были явно из одного столового сервиза, красивые, но тупые, как валенки.

– Девчонки, так вы пустите нас к себе или будете в ножички играть? – не отступал я.

– Смотря, как себя будете вести! Если как зайчики-паиньки, то пустим.

Вопрос с ночлегом был решен.

Мало того, что фабричное общежитие занесло на край города, так и располагалось оно в здании, построенном после отмены крепостного права. Длинный из красного кирпича

корпус с большими, как ворота окнами. И за каждым, судя по доносившейся музыке и разговорам, бурлила жизнь. Как только рама одного из них со скрипом приоткрылось – мы с Колькой полезли внутрь.

– Тихо! – приложив палец к губам, прошептала Ольга. – Если вахтерша что-то заподозрит – сразу вызовет милицию.

Дурачась, мы, словно глухонемые стали объясняться жестами. Щелкали пальцем по горлу, намекая, что не против чего-нибудь выпить. И закусить. И вообще культурно провести время. Намек был понят. Закончив с вином, мы, как порядочные, перешли к культурной программе.

Ольга вытащила из этажерки увесистый в бархатном переплете альбом с фотографиями и с шутками-прибаутками стала показывать своих одноклассников и подруг. А в конце альбома лежал тетрадный листочек со стихами. Развернув его, я стал читать вслух:

*Женищина сказала мне однажды:
– Я тебя люблю за то, что ты
Не такой, как многие, не каждый,
А душевной полон красоты.*

– Твои? – спросил я Ольгу.

– Нет. Это написал Эдуард Асадов, слепой поэт, у которого все стихи про любовь. У нас девчонки в училище, как сумасшедшие, переписывали их друг у друга. Вот сохранилось одно.

– Ирка много знает наизусть, – отбиваясь от притязаний моего приятеля, оживилась Надя. – Ир, почитай «Ночь»!
– Как Ира? – не понял я. – Вроде только что была Лелей!
– По паспорту Ольга, а по жизни Ира, мне так больше нравится, – разъяснила спутница.

И я слушал девушку с таким волнением, словно прочитанные ею строки были обращены ко мне.

*Как только разжались объятия,
Девчонка вскочила с травы,
Смущенно поправила платье
И встала под сенью листвы.
Чуть брезжил предутренний свет,
Девчонка губу закусила,
Потом еле слышно спросила:
– Ты муж мне теперь или нет?*

Честно сказать, мне понравился этот слепой поэт.

4

Как обычно все испортил Колька:

– Девчонки, мне бы это... в туалет сходить...
– Взял да сходил, – огрызнулась Надя.
– Можно? – метнулся было к двери приятель, но девушка схватила его за руку. – Какой туалет?! С ума, что ли, сошел!
В окно идти!

?

– Забыл, где входил?

Короче, пока мы с Колькой вылезали на улицу, девчата выключили свет.

– Все, мальчики, спокойной ночи! – объявили они, забравшись в одну кровать.

– Спокойной! – ответил я. – Пусть на новом месте приснится жених невесте!

Мы с Колькой разделись и легли вдвоем на свободную койку. Приятель сразу повернулся к стенке, и по его негромкому посапыванию я понял, что он смирился со своей участью. Меня же такой поворот на самом интересном месте совершенно не устраивал. Чтобы разом не уснуть, я таращил глаза и прислушался к девичьему хихиканью, а потом неслышно поднялся и завалился на подруг поверх одеяла:

– Третий линий, уходи! – шутил я, помня, что главное сейчас быстрота и натиск. И точно. Надя покорно перебралась к Кольке. А я, стараясь не скрипеть панцирной сеткой, стал пробираться туда, где меня ждали. И дождались...

И тут в окно постучали. Я затаил дыхание. Стук повторился. Потом открылась форточка и в нее просунулась чья-то голова:

– Оля, спишь?!

– Сплю! – накрыв меня с головой одеялом, поднялась моя спутница – Чего тебе?

– Да так, решил вот проверить, не завела ли себе кого-ни-

будь!

– Валер, ты хоть соображаешь, что говоришь?! Днем приходи!

– Понимаю, не дурак. Один поцелуй – и уйду баиньки!

Поцелуй затянулся минут на десять. И все это время я как идиот лежал под одеялом, понимая, что если выдам себя, бить меня будут долго и сильно, возможно ногами. Но все закончилось благополучно. Валера ушел, а моя девушка снова оказалась рядом. Теперь она была вдвое желаннее и роднее. И грех был этим не воспользоваться...

Судя по тишине на соседней койке там давно все спали. И тут прямо к окну подкатила машина. Громко хлопнула дверца. В стекло постучали:

– Открывайте, милиция!

– Надька, вставай, Лепешкин приехал, – окрикнула подружку Ольга-Ира.

– Какой еще Лепешкин? – переспросил я.

– Да Надькин парень, мент, он всегда во время ночного дежурства заезжает. Надя, иди объясни человеку, что мы спим.

В отличие от работяги Валеры мента Лепешкина поцелуи через форточку не устроили. Он настоял чтобы Надя вылезла к нему в окно... Обратно она вернулась под утро, когда на улице забрезжил рассвет.

После таких приключений мы с Колькой решили в это общежитие больше ни ногой. Береженного Бог бережет.

Лежа в кроватях, мы с Колькой болтали на ночь про армию, про девчонок и вообще про жизнь. Колька умный, у него на любой вопрос есть ответ. Как-то, помню, у нас зашел разговор о смерти. Не о чужой – про нее-то чего говорить, видели, знаем. А про свою собственную, от одной мысли о которой становится не по себе. Иной раз вспомнишь, что когда-нибудь все закончится – руки ни к чему не лежат. Зачем что-то делать, к чему-то стремиться, на что-то надеяться, если рано или поздно все равно придет конец? От подобных мыслей, вообще свихнуться недолго.

А Колька говорит:

– Не бери в голову! Не нашего это ума дело!

Колька прав. Послушаешь его и жить хочется. И в армию не страшно идти. Мне бы с ним, заморышем, в одну часть попасть – вот бы здорово было. А после армии в какой-нибудь вуз поступить, пусть даже на заочное отделение. Выучиться на инженера – и уехать куда-нибудь. На Крайний Север или в Сибирь...

А осенью город всколыхнула жуткая история о том, как один больной на голову чувак, застукав свою девушку в койке с другим, нанес ей девятнадцать ножевых ранений. Его Валерой звали. А ее то ли Ольгой, то ли Ириной. Но я сразу понял о ком речь.

Девушка из морга

Спешка нужна только при ловле блох и спаивании чужих жен. Работа в морге этого не терпит. Тут спешить нельзя: взял скальпель – не суетись, ведем твердой рукой разрез от горла и до лобка. Иглу вынул – шей, соединяй края человеческой кожи, чтобы на теле ровненькая такая косичка получалась. На то ты и санитар – посредник между живыми и мертвыми, имя которого Легион.

Кто бы знал, сколько возни бывает с утопленниками: поверхностные слои кожи у них облезают от любого прикосновения, надави посильнее – и потечет человеческая студень, а на кистях рук кожный покров отделяется вместе с ногтями в виде перчаток. А вонища! Хуже чем на мясокомбинате!

Привычка, конечно, вторая натура: стой и дыши в две ноздри, словно в уборной вырос. А не можешь – проси респиратор, только где его взять, если даже хозяйственного мыла выдают строго по одному куску в месяц? Но лучше не вякай! Работай молча, возись, блин, с каждым жмуром, как с грудным ребенком.

Но, если утопленники – дело сезонное, то жертвы ДТП поступают круглый год. И у каждого второго открытые переломы, разрывы внутренних органов, отрезанные конечности, а то и просто собранные лопатой куски человеческого тела вперемежку с землей. Кровавое месиво, как в фильмах ужа-

сов, этакое возвращение живых трупов! Спасибо хоть для мотоциклистов шлемы придумали – все легче после аварии мозги собирать. А куда денешься – такая уж работа у санитаров патологоанатомического отделения. Знают, на что идут.

Ближе к полудню Паша-Нога приперся. Встал в дверях секционного зала, по-хозяйски привалившись спиной к косяку. Грязный. Небритый. С засохшими ссадинами на лбу и распухшей изуродованной верхней губой – вокзальные бомжи и то приятнее выглядят. Засаленная до блеска ветровка, как всегда, нараспашку, под ней грязная майка, обвисшие на коленках брюки-трико, стоптанные, без шнурков, туфли надеты на босу ногу. Красавец! Сколько ему раз похорошему и по-плохому втолковывали, чтобы в морг больше ни ногой. Не понимает. Пронюхал, что врачи уехали на областную конференцию – и тут как тут.

– Санек, будь человеком! Друг ты мне или кто? – наверное, в десятый раз канючит он, состроив обиженную рожу. – Налей граммов пятьдесят, а то сдохну...

– Подыхай! – не поворачивая головы, отвечает Фомичев. – Смерть для морга – дело привычное.

– Тебе же лишняя работа, – не подыхает и не уходит Паша. – Казенного спирта жалко?

– Не жалко, а убывает.

– Когда я здесь санитаром работал – никому не отказывал: опохмелить страждущего – святое дело!

– За это и выгнали.

– Спорим не за это?

– За что же тогда?

– Много будешь знать – быстро состаришься, – интригует Паша. В руках у него появляется пачка «Стрелы». Он ловко щелкает по донышку – и сигарета сама выпрыгивает из надорванного уголка. Паша закуривает. – Но тебе, как другану, сделаю исключение. Сказать?

– Скажи!

– А нальешь? – глаза у Паши загорелись, словно елочная гирлянда.

– Посмотрю на твое поведение. – Фомичев открывает воду и небрежно поливает из шлага распластанный на секционном столе труп, затем стаскивает тонкие перчатки и тщательно моет под краном руки.

Откровенно говоря, он не против того, чтобы пропустить с Пашей по пятьдесят граммов спирта. Вчера вечером такая запарка вышла: труп на трупе и трупом погоняет. Семь покойников за день: у последнего даже не успел уложить на место вынутые доктором внутренности. Утром пришел: сердце с печенью на месте, а почки крысы сперли. Совсем озверели! Придется у завхоза отравы просить и травить гадин. Иначе беды не миновать. Две недели назад одному жмуру половой член отгрызли. Но его хоть не видно под костюмом. А если бы нос!

Паша-Нога сразу крысиные проделки заметил. Сам шесть лет в этой дыре горбатился. Уйму народу на тот свет отпра-

вил! И прозвище свое здесь получил. Паша-Нога. Знающие люди рассказывали, что однажды принесли в морг из хирургического отделения ампутированную конечность, так называемый операционный материал, а Паша тогда еще неопытный был, куда девать отрезанную ногу не знал. И по пьяному делу зашил ее покойнику в брюшину. А тот при жизни был в городе большим начальником. Скандал тогда разразился страшный. Пашу в милицию таскали. Но что с алкаша возьмешь кроме анализа? Объявили выговор. А прозвище Нога к нему, как с той поры привязалось, так и не отстает. Пятьдесят пять лет мужику, а видно так и помрет Пашей-Ногой.

– Ты ведь, Саня, лучше других знаешь, что я в этих стенах шесть с половиной лет отмантулил, – издалека продолжал Паша. – Как с завода выгнали, так сюда пристроился. Патологоанатомам тогда Валерий Павлович Кушаков был. Кушак! Царство ему небесное. Железный, надо признать, мужик! Ничем не брезговал. Не поверишь, но по пьяному делу, а мы с ним частенько выпивали, мог на спор содержимым из покойнического желудка закусить. Сам видал. С продуктами тогда как было? За всем в Москву ездили. А у Кушака здесь и мяско, и колбаска, как в диетической столовой все в протертом, пережеванном виде...

– Не морготь!

– Тогда выпьем...

После мензурки спирта в голову сразу как-то знакомо ударило. По телу растеклось тепло. Стало веселее. Закусили по-

братски разломанной конфеткой, что родственники умершего оставили на помин души.

– Так вот, – не унимался Паша-Нога. – Сторожем в больнице тогда Синяк работал – глухонемой дед с девятью судимостями. Как его на самом деле звали-величали – убей, не вспомню. Синяк и Синяк. И вот повадился этот Синяк по ночам в морг наведываться, вроде как для проверки, все ли в порядке, везде ли свет выключен. А сам, – икнув, Паша-Нога перешел на шепот. – А сам... Этой, как ее, некрофилией занимался – молоденьких упокойниц трахал!

– Опять врешь?

– За что купил, за то и продаю, – Паша-Нога обиженно замолчал.

– Ладно, мели, Емеля, твоя неделя, – Фомичев налил очередную мензурку спирта. – Но только сразу предупреждаю: последняя!

На этот раз закусили, что называется, рукавом. Посидели, дожидаясь пока выпитое привьется. И только хотели продолжить беседу, как в наружную дверь морга постучали. Фомичев убрал мензурки в тумбочку и, расправляя плечи, пошел открывать. Приехали родственники только что обмытого покойника, грудную клетку которого украшал ровный шов, похожий на застегнутую молнию.

– Одевать сами будете? – спросил слегка опьяневший Фомичев.

– Да вы что?! – Рослый, спортивного телосложения па-

рень, с виду брат умершего побледнел. — Мы заплатим...

Морг испокон веков считался узилищем смерти, прибежищем этой костлявой старухи с косою на плече, которое живые люди стараются обходить за версту. Иного здоровяка приведут на опознание умершего родственника, а через две минуты он и сам уже, как труп. Хоть обеих на кладбище выноси. А чего, казалось бы, морга бояться, если в конечном счете все там будем?

Тяжелый, обитый красным плюшем гроб затаскивали вдвоем с Пашей-Ногой. Он же помогал одевать покойного.

— Так вот, в приемном покое тогда Вера Тихоновна работала, — чувствуя, что в связи с вновь открывшимися обстоятельствами, как говорят юристы, только что опрокинутая мензурка спирта может оказаться далеко не последней, продолжал он. — И эта самая Вера Тихоновна однажды усекла, как Синяк в морге бесчинствует. И, чтобы отвадить старика от непотребного занятия, пригрозила настучать главному врачу или на худой конец Кушаку. Как уж там дальше развивались события, история умалчивает, но через несколько дней после этого Веру Тихоновну нашли в морге без признаков жизни: говорят, что сердечко сдало. А Синяк мне еще до этого случая по пьянке демонстрировал, как покойника возле двери поставить вместо сторожа. Шутил старый. А я хоть и не шибко грамотный, а сразу смекнул, как он Веру Тихоновну на тот свет отправил...

— Это и есть твоя тайна? — надевая на покойника голу-

бую сорочку, спросил Фомичев. Рубашка не налезала, потому что труп на жаре разнесло, и Паша-Нога хотел подлезть со скальпелем:

– Разрежь со спины! Все равно не видно будет!

– Не суйся! Так оденем. Забыл, как в прошлом году мужики на кладбище гроб уронили? Покойник на земле голой задницей сияет, а эта пьянь, разинув рты, вокруг стоит. А все из-за того, что брюки порезали и трусы поленились надеть.

Забрав гроб с покойным, родственники умершего в знак благодарности оставили санитарам литровую бутылку водки «Тройка», и те, не долго думая, решили помянуть клиента. Поминали долго и упорно, до тех пор, пока бутылка не опустела. Паша-Нога обмяк. Присев возле стены на корточки, он закрыл глаза. Толкни пальцем – упадет.

Фомичев еще держался и внешне выглядел трезвым, как огурчик. Но голова уже ничего не соображала. Он ходил по секционному залу, переставлял тележки с мертвыми, дважды подходил к столу с «самоваром», как судмедэксперты называют обезглавленное, без рук и ног, туловище трупа, и никак не мог врубиться, с чего начинать вскрытие. За время работы в морге у него уже выработалась определенная последовательность в этом скорбном деле: завернул голову на деревянную подставку и погнали... А если головы нет, то чего пилить? После принятого на грудь спиртного задача была не для его умственных способностей.

Куда приятнее было услышать в глубине патологоанато-

мического отделения знакомое посвистывание – условный знак, каким его обычно вызывал старый кореш, уважаемый в городе человек Сергей Владимирович Чертков, хорошо известный в криминальных кругах под кличкой Черт.

Но не так уж и страшен Черт, как его малюют. После двух судимостей и восьми лет отсидки Чертков скромно трудился заведующим городским кладбищем. В свои сорок с небольшим сам он от былых разборок и грабежей потихоньку отошел, отдав их на откуп своим подчиненным из так называемой «гробкоманды», в которой бывшие уголовники официально числились копалями. Он даже в покойницкую никогда не заходил. Терпеть не мог трупного запаха, а Фомичева вызывал условным свистом.

Кличку Черта Сергей Владимирович получил не только из-за своей фамилии – Чертков. Этот бандит был чертом по своим делам. Дьяволом во плоти. Люцифером. Только сатанинская фантазия могла толкнуть его на такой жуткий бизнес, как откапывание гробов и раздевание покойников. Он и на Фомичева вышел затем, чтобы тот, укладывая мертвяков в гроб, не портил им скальпелем одежду, а заодно и информировал, кто богато одет.

По указанию Сергея Владимировича сразу же после похорон могила состоятельного жмура раскапывалась. И убеленный сединами генерал в мгновение ока оставался без парадного кителя, брюк с лампасами и золотых зубов, если их, конечно, не выдрали родственники. Навеки успокоенные кил-

лерами новые русские лишались модных с наворотами малиновых пиджаков, дорогих сорочек и лакированных туфель. Голенькие, они все смотрелись смиреннее и проще.

А еще по какой-то надуманной причуде почти у всех бизнесменов в нагрудном кармашке лежала сложенная пополам сто долларовая купюра. Видимо, те, кто ее клал, полагали, что доллар и на том свете доллар! И на трое суток, пока вертись в преисподней, сто баксов хватит. Черт рассказывал, что у одного уголовного авторитета в кармане брюк нашли пачку импортных презервативов с музыкой. Братва сунула, чтобы не скучал на том свете.

Добытые из земли дорогостоящие шмотки сплавляли на барахолке гастарбайтерам из Средней Азии. Приезжие молдаване, узбеки и таджики щеголяли в них по праздникам. Что подешевле – отдавали копялям из «гробкоманды» – им тоже надо одеваться.

– Опять залудил? – осуждающе заметил Сергей Владимирович. – Смотри, брат, сопьешься!

– Паша-Нога угостил...

– А сопьешься – доходного места лишишься, – не слушал Чертков. – Станешь, как твой корешок бутылки по мусорным ящикам собирать.

– Я свою норму знаю.

– Заткнись и не перебивай, когда с тобой старшие разговаривают! Еще раз увижу на работе в непотребном состоянии – живым зарю!

«Запросто, – согласился Санька. – Ему человека замочить, что два пальца обмочить». Фомичев познакомился с Чертом у «хозяина» на всем известной «семерке», куда попал за драку. И если бы не поддержка земляка, то сидеть бы ему весь срок – от звонка до звонка у «параши». Не такие урки, как он свои долги задницами платили. Повезло, выходит, Саньке. Не сломался. Блатным стал. И теперь вроде как при должности. В белом халате больные его даже за доктора принимают. И бабки он здесь неплохие делает, да еще Черт подкидывает за наводку.

– Что новенького? – Сергей Владимирович смотрит строго, как учитель на прогулявшего уроки пятиклассника.

– Утром менты девку привезли. Ее какие-то новые русские изнасиловали и сбросили с четвертого этажа. Потом видят, что она еще шевелится – опять вспыхнула страстью. Отволокли в кусты и еще раз оприходовали...

– Ты мне дело базарь, – оборвал Черт.

– А я что? Вчера семь жмуров было. У одного богатенького Буратино, как в песне: костюмчик новенький, колесики со скрипом, – запел Фомичев, но вовремя остановился. – Тоже из новых русских видать. Короче: два проникающих в брюшную полость, кровопотеря, перитонит...

– Как фамилия?

– Желтухин, кажется.

– Крестись, когда кажется! Желтуха это! Его на днях заезжий чебурген на перо поставил. Хороший был парень. Ты

должен его помнить, он ведь с нами на «семерке» торчал...

– Вот и судмедэксперт все никак не мог понять, отчего у него кишки черные? Выходит, что от чифира.

– Ладно. Если больше ничего подходящего нет, я пошел. И помни: еще раз напьешься – пожалеешь!

– Как бы не так, – закрывая дверь на замок, выдохнул Фомичев. – Связался с бандитом!

От тоскливого хода мыслей захотелось окончательно напиться. В стельку. Нет, лучше в сосиску. Тем более, Сергей Владимирович сегодня уже больше все равно не явится.

– Паша, подъем! – заорал Фомичев.

И они пили. Сначала купленную в ларьке дешевую водку-самопал. Потом «шило» – остатки спирта, ибо, разогнавшись, уже не имели привычки останавливаться на полпути. Их тянуло в сон, но громкий стук в дверь разом спугнул навалившуюся дремоту.

«Неужели Черт? – с замиранием сердца очнулся Фомичев. – А может, врачи с конференции вернулись? Так рано еще! Скорее всего, труповозка очередного жмура доставила».

– Пойди, узнай, кого там нелегкая принесла? – приказал он Паше-Ноге.

– С-с-счас, – стараясь держаться как можно трезвее, тот враскачку отправился по длинному коридору патологоанатомического отделения к входной двери. Минут через пять доложил:

– Там какая-то деревня приехала на машине: два мужика и баба. Мужики вроде трезвые, а вот баба – в дупель. За Сергеевой...

– А попозже они приехать не могли? – выругался Фомичев.

– Они говорят, что покойная и так уже вторую неделю здесь лежит. Все машину искали...

– Целую неделю! Вот козлы! – Фомичев пошел в трупохранилище. – Которая тут Сергеева? Отвечай! Та, что удавилась, или та, что с ДТП? Эй, красавицы, подъем! Паша, скажи, что без бутылки мы эту студень одевать не будем...

– Сказал.

– А они?

– Они говорят, что мы за это деньги получаем, а у них в совхозе не платят уже второй год.

– А на что же они пьют?

– И я о том же. А баба ихняя говорит, что, если мы будем вымогать деньги, то она пожалуется главному врачу...

– Вот сука! – больше всего в своей жизни Фомичев не любил стукачей. Тех, кто бегал по начальству он презирал и в школе, и особенно в армии. И задумал он этой бабе отомстить.

– Ладно, передай им, пусть гроб заносят.

Стараясь не дышать трупным запахом, мужики быстренько занесли гроб и тут же кинулись на выход.

– Да погодите вы! – остановил их Фомичев и потащил

в трупохранилище. – Которая тут ваша Сергеева?

Он нарочно подвел их не к удавленнице, а к той, что страшнее, которую привезли с ДТП.

– Эта?

– Кажись, она, – кивнул молодой мужичок и, захлебываясь от тошноты, умчался на улицу.

– Внимательно смотри, – повторил Санька для оставшегося мужика, одетого в клетчатую рубашку с коротким рукавом и выглаженные со стрелочками брюки – по виду бригадира или управляющего. – Может быть, эта?

– Валерка лучше знает, – ответил мужик. – Он брат повешенной. А мне что? Сказали: поехали – и поехали. С водилы какой спрос?

– А женщина с вами кто?

– Председатель местного комитета. Дело в том, что родственники покойной уже вторую неделю поминки справляют, вот нас с ней и послали...

– Пусть зайдет, а то вы, не дай Бог, не ту покойницу забереете...

– Да ее сюда под ружьем не загонишь! Брезгливая шибко.

– Королева какая! Придет время – как миленькая будет здесь лежать. Так которую берете?

– Что посимпатичнее, ту и одевай.

– Мне любую не жалко, – представляя, как через полчаса покойницу привезут обратно, сплюнул Фомичев. – Значит, эту забираете?

Вот переполоху будет в деревне, когда гроб откроют! «Этого же вы нам, ироды, привезли?» – накинутся родственники на председательницу месткома. А она ни бе ни ме, коли пьянка на уме. Сама стерва бутылку засосала, а люди должны бесплатно вкалывать. Ладно. Тебе же хуже. Но теперь без флакона «Русской» пусть на глаза не показывается. Главному врачу она нажалуется. Жалуйся, рассказывай, как спяну чужую покойницу забрала...

Когда машина с гробом уехала, Фомичев открыл регистрационный журнал и прочитал, что Сергеева Зоя Владимировна, 23 лет, скончалась от асфиксии верхних дыхательных путей вследствие повешения. Двумя строками выше значилась Мадуева Оксана Салмановна, 20 лет, умершая от открытой черепно-мозговой травмы. Две недели назад ее доставили с дорожно-транспортного происшествия прямо в морг. А сегодня забрали вместо Сергеевой. Пусть! Как увезли, так и обратно привезут!

Но труп Мадуевой не привезли ни в этот, ни на другой день. Скорее всего, схоронили, не открывая гроба. Нехорошо получилось! Не по-христиански! Хотя он-то тут при чем? Паша-Нога свидетель. Все вполне пристойно было: родственники приехали за покойной в нетрезвом состоянии, да еще грозились главному врачу пожаловаться, если они им эту умершую не оденут.

К концу недели Санька уже и вовсе забыл про этот случай. Одним бесхозным покойником меньше, одним боль-

ше – какая разница? Народу мрет, как мух, только шевелись. Но в пятницу ни свет – ни заря в морг примчался Сергей Владимирович. Да не один, а с черным – немногословным кавказцем.

– Тут должна быть девушка с ДТП, – заговорил он. – Мадиева Оксана. Это ее дядя, наш гость, очень уважаемый человек. Все детали похорон мы уже обговорили, за тобой мелочь: грим, макияж, прическа...

– Оксана очень красивая девушка, – подал голос нерусский. Несмотря на его светлый костюм, перстни на пальцах, лицо его отталкивало, особенно жутко смотрелся багровый след от косого шрама под левым глазом. – Из-за ее смерти я совсем покой потерял... Спасибо Сергею Владимировичу, взял все заботы на себя. Что бы я без него в чужом городе делал? Теперь одного хочу, чтобы моя девочка в гробу, как невеста выглядела... Сколько для этого надо денег, столько и будет. Мы ей свадебное платье привезли, фату – он вынул две купюры по сто долларов и положил их побледневшему Фомичеву в карман халата. – Не надо меня бояться. Со мной хорошо – и я хорошо. Да хранит нас Аллах! Пойдем к ней...

Фомичев провел посетителя в трупохранилище.

– Ах, Оксана – Оксана, дорогая моя девочка, не послушала своего дядю, – он откинул край простыни с головы умершей – и лицо его перекосило. – Это не моя племянница! Ты кого мне подсунул? Обидеть меня хочешь, да?

Не дожидаясь объяснений, он обошел все трупы и, не най-

дя племянницы взялся за поджидавшего его во врачебном кабинете Черткова.

– Вот же написано: Мадуева Оксана Салмановна, – тыкал гость ногтем в журнале регистрации. – Здесь есть, а там нет!

– Как нет? – вскочил с дивана Сергей Владимирович. Видно, много денег он получил за свои труды с дорогого гостя, если так лихо подпрыгнул. – Не может быть! Сейчас разберемся!

– А обещал, что все красиво будет, да? – возмущался кавказец. – Мамой клялся, да... Зачем плохо делал?

– Накладочка вышла, – Чертков толком не понимал, что же произошло.

– Короче, если через шесть часов моя племянница не найдется, то всю тяжесть моей утраты ты почувствуешь на своей спине!

– На его спине, – Чертков показал на Фомичева.

– Там разберемся...

– Куда девку дел? – схватив Саньку пальцами за лицо, не закричал, а завизжал Сергей Владимирович. – Ты слышал, что он сказал? Если через шесть часов ее труп не будет, то мы оба будем трупами... Понял?!

Найти на старом сельском кладбище ввалившуюся в землю могилу Зои Сергеевой, где должна была лежать Мадуева, в сгущающихся сумерках оказалось непросто. Свежих могил было пять, так что стали раскапывать все подряд – для «гробкоманды» дело причное. В первом выволоченном

на верх гробу лежала мерзкая старуха с затекшим зеленой жижей лицом. Во втором – покоился обезображенный труп мужчины средних лет, а вот в третьем – явно какая-то женщина.

– Она? – спросил Чертков.

– Может и она, – закусив разбитую губу, отвечал Санька. – А может, и не она. Мы в тот день с Пашей-Ногой в сильном подпитии пребывали...

Темнело. Небо засыпало звездами. Водитель катафалка, светя зажигалкой, пытался прочесть надпись на ленте венка.

– Как ее звали?

– Кого?

– Ну, ту, деревенскую...

– Сергеева Зоя Владимировна.

– Вот и здесь написано Зоя. Читай: «Дорогой Зое Владимировне от администрации и профсоюзного комитета ТОО «Рассвет».

– Она!

Труп Мадуевой бережно переложили в сделанный из орехового дерева и украшенный медными ручками гроб и погрузили в катафалк. А обрадовавшемуся благополучной развязке дела Саньке Фомичеву один из копалей по кивку Черта съездил лопатой по затылку. И его еще полуживое, бьющееся в конвульсиях, тело уложили в освободившийся гроб и закопали в могилу.

Так велел наказать недобросовестного санитаря дядя умершей, сунув Черткову две тысячи долларов. А за такие деньги нынче не то, что какого-то спившегося санитаря, главного врача живым в могилу закопают.

Человек с барахолки

1

Кто рано встает, тому Бог подает. Латышев всегда, сколько себя помнил, придерживался этой мудрости. А в последнее время, когда стал ходить на барахолку, и подавно.

Чтобы не проспать, по-стариковски заводил сразу три будильника: заклеенную знаком качества советскую «Славу», ходики часового завода «Ереван» и дешевые китайские тикалы без названия. Но просыпался все равно раньше. В полутьме на ощупь совал ноги в сланцы и шлепал на кухню.

Будильники начинали трезвонить на все голоса, когда Петрович, хлебнув чайку, уже одевался. Под зимнюю камуфлированную куртку он поддевал вязаный свитер; на шею наматывал мохеровый шарф, затертый, но еще вполне пригодный; в ботинки для тепла засовывал смятые газеты, а шнурки кроличьей шапки завязывал на затылке. В итоге из пожелтевшего зеркала на Петровича смотрел боец невидимого фронта, а не шестидесятилетний пенсионер из шестого микрорайона.

Во дворе, как всегда, не горел ни один фонарь. Только свет с лестничных площадок высвечивал скользкий, как капок тротуар, по которому неслась снежная поземка. Конец марта, а зима и не собиралась отступать. Уличный термометр

показывал минус пятнадцать, а резкие порывы ветра вынуждали отворачиваться и прикрывать лицо рукавицей.

Первая, под завязку набитая пассажирами, маршрутка пронеслась мимо, не останавливаясь. Следующая «Газель» появилась минут через двадцать, и тоже переполненная. Но ехать надо было «кровь из носа» – и Петрович пошел на бордаж. Зацепился пальцами за дверной проём и ужом протиснулся между девицей в наушниках и крупногабаритной мадам средних лет. Маршрутка рванула с места в карьер – и он почувствовал, что в дамочке не меньше центнера веса. Дальше водитель уже никого не сажал – и доехали быстро.

Минут пятнадцать Латышев на автопилоте семенил по узкой в ледяных колдобинах дорожке, зажатой глухими заборами частного сектора. И хотя здешние улицы еще хранили в себе очарование дореволюционных названий: Ямская, Заовинная, Мельничная, вымахавшие на них коттеджи из газобетона и сайдинга рядом с деревянными пятистенками казались инопланетянами. Из-за высоких металлических заборов раздавался неистовый лай цепных псов. На калитках висели предупреждающие таблички «Осторожно, злая собака!». Хотя куда опаснее были сбившиеся в стаи бездомные шавки, которых Петрович от греха подальше старался обходить стороной.

На пешеходном мостике через спрятавшийся под ноздреватым сугробом Тропинский ручей знакомо пахло кана-

лизацией. То ли еще будет весной, когда со всех сторон за-
журчат вешние воды, в том числе и фекальные! Но народ
привык, не замечает – живет, строится, осваивая близлежа-
щие пустыри.

В березовой рощице Петрович, оглянувшись, нет ли кого
сзади, спрятался за деревьями, расстегнул ширинку. Мо-
читься не хотелось, а надо – потом будет некогда. Он долго
стоял, силился, пока прерывистая желтая струйка не пробу-
равила девственно чистый снежок. Не детский возраст и тут
давал себя знать: как не ссы, а последняя капля в трусы.

Наконец-то, показалась барахолка – скопище ржавых кон-
струкций, состоящих из прилавков под навесами. Когда-то
эти намертво сваренные железные ряды верой и правдой слу-
жили малому бизнесу, но со временем предприниматели пе-
ребазировались в торговые центры, а площадку облюбовал
живущий поблизости народ. Шустрые бабульки и старички
затеяли по воскресеньям торговлю подержанными вещами.
И слух о блошином рынке, где два дурака – один продает,
другой покупает, разлетелся по городу.

Взгромоздив старую хозяйственную сумку на прилавок,
Латышев растер затекшие пальцы, смахнул рукавицей снег,
постелил клеенку. Торопиться некуда: на часах полвосьмого,
тьма тьмущая, светать начнет около девяти.

У большинства завсегдатаев на барахолке свои, облюбо-
ванные места, за которые они глаза выцарапают. Народ со-
бирается тертый, каждый второй с уголовным прошлым.

Неудачно брошенное слово, косой взгляд, неуместная шутка заканчиваются драками. Нетрезвые мужики, сцепившись, мутузят друг друга руками и ногами, кусаются и царапаются. Правда, тут же находятся желающие растащить и примирить драчунов, и до смертоубийства дело не доходит. Даже, когда ловят воров. А воровали на барахолке всегда, хотя казалось бы и воровать-то нечего – кругом старье да рваньё. Оказывается, есть. У одного поддатого мужика сперли электродрель, у отлучившейся до кустов тетки свистнули хрустальную вазу. Не зевай!

На барахолке очень важно обзавестись надежными соседями, лучше всего людьми пожилыми, советской закалки. Молодятине палец в рот не клади, по локоть откусят. Латышев старался держаться ровесников. На «крутые места» в проходе и у забора не претендовал. Да они и так уже были заняты, о чем свидетельствовали предусмотрительно положенные на прилавки камни и куски картона. Треть торговцев была еще только на подступах к рынку, а то и вовсе тряслась в общественном транспорте.

Первым показался старик Шоломин. Как Дед Мороз он тащил в руке мешок. Правда, не с новогодними подарками, а с разными железяками. На ногах рыбацкие сапоги, зашнурованные проволокой, длинный овчинный полушубок подпоясан ремнем, кроличья шапка. Передние зубы за восемьдесят лет дедушка благополучно сжевал и поэтому не улыбался. Глазки маленькие, на подбородке и шее клочья небри-

той щетины.

Про таких как Шоломин говорят: сам себе на уме. После смерти жены он остался в квартире один, как перст и теперь больше всего боится, как бы его не пристукнули из-за жилья. Несколько лет назад в городе орудовала банда, убивавшая одиноких владельцев квартир. Находили будущих жертв по газетным объявлениям, вывозили за город, душили и замуровывали в подполье дачного дома. Не щадили ни инвалидов, ни студентов, даже священника, решившего перебраться в столицу, грохнули, как бомжа.

Неразговорчивый Шоломин не вызывал у Латышева симпатии. Зато другой сосед – пятидесятилетний Витя-Митя своей болтовней мог кого хочешь свести с ума. Постоянно шмыгая носом и задыхаясь в кашле, он не скрывал, что лежал в психушке, имеет группу и расшибет башку любому, кто поднимет на него хвост!

«Мне сосед три раза ментов вызывал! – с детским задором рассказывал Витя-Митя. – То я музыку громко врубаю, то песни матерные пою, то в трусах на лестничной площадке курю! Менты приедут, а я им в харю справочку, где черным по белому написано, что имею вторую группу инвалидности. Еще есть вопросы? Нет вопросов. Тогда до свидания. А соседа-стукача я все равно подловил пьяного во дворе и отделал по полной программе. Он, конечно, на меня думает. Но поди, докажи!»

Витя-Митя (на барахолке его кто Виктором зовет, кто –

Димкой) – мужик рукастый: из старых пил кухонные ножи делает, самодельные финки, кинжалы – все разбирают. А электромотор от насоса третью неделю таскает – не берут. Две тысячи просит, хотя понимает, что за такие деньги никто не купит. А все равно носится с ним, как с чемоданом без ручки, дураков ищет.

Еще один дедок тоже с железяками таскался – Матвей Михайлович, его за глаза Морфеем звали. Этот сверла да подшипники приносил. На днях, говорят, помер, царство ему небесное. Так место его бабка заняла. Притащила дедовы валенки, лампочки, дверные ручки. Старый, что малый – не понимает, что никому не нужны теперь их пожитки.

У Петровича торговля не задалась. Часов в девять повалил снег, и на спрятанные в полиэтиленовый пакет открытки никто не обращал внимания. Никого не интересовали ни значки с городами, ни советские юбилейные рубли, что он прихватил в тайной надежде продать. Поговорка, что на каждый значок найдется дурачок оказалась не права.

Совсем другая картина была напротив, где торговали узбеки. Муж с женой, которую Петрович сначала принял за дочку азиата. Прямо на снегу они расстелили выцветшую клеенку и расставили на ней игрушечные джипы, машинки, вездеходы с пультовым управлением. Естественно без батареек, так что в исправность техники покупателям приходилось верить на слово. Были у них еще какие-то детские телескопы, коробочки с домино и одежда для новорожденных.

Но все это для видимости, потому что основной «бизнес» они организовали на пирожках и горячем чае.

Без всяких санитарных книжек выходцы из Средней Азии поставили на прилавок коробку с пирожками и вывесили написанные фломастером ценники. Лепешка – 10 рублей. Самса – 30. Чай в пластиковом стаканчике – 10. И сразу выстроилась очередь. Из узбеков. Земляки причаливали компаниями по два-три человека, стояли, с достоинством пили чай, жевали треугольной формы пирожки и чирикали на одном им понятном языке.

Собираясь домой, Петрович тоже отважился прикупить пирожков, слишком аппетитными они ему на морозе показались. Подошел – а лепешки и самса кончились. Остался только кипяток в термосе и пакетики чая. Но чаю он и дома напьется.

2

Обидело Петровича родное государство, взяло за горло на старости лет. Да так цепко, что он и пикнуть не успел. И дело даже не в том, что назначили ему совсем смешную по нынешним временам пенсию – 5558 рублей 28 копеек, а в том, что заставили собирать кучу справок! Он понимал, что много не отвалят, но зачем было требовать бумаги о зарплате со всех мест работы?

Даже девушка, выдавшая пенсионное удостоверение, го-

лубоглазая, с короткой стрижкой, сочувственно промолчала. Видно, совсем позорную пенсию ему насчитали. Как уголовнику с трудовым стажем в полторы пятилетки.

– Николай Петрович, а вы работаете? – бросила спасательный круг голубоглазая, когда Петрович, поджав от обиды губы, засеменил на выход.

– Нет...

– Неработающим у нас положена доплата к пенсии до прожиточного уровня пенсионера – в нашем регионе это 5835 рублей.

Спасибо, утешила старика.

Стариком Николай Петрович себя, конечно, не считал. Старики – это те, кто, едва шевеля ногами, сидят на лавочке во дворе, седые, с желтыми, морщинистыми лицами, эдакие гномики, от которых за метр воняет мочой.

Какой он старик, если нет у него ни внуков, ни детей? И жены нет. Хотя по молодости лет была. Учительница. Каждый день уши продувала, что для советского человека в семейной жизни нет ничего важнее взаимной любви, а в постели бревно бревном. Завучем назначили – вообще с головой в работу ушла. Спать порознь стали. А потом и вовсе разошлись, как в море корабли.

Видел Николай Петрович не днях этого отличника народного образования: вылитая Надежда Константиновна Крупская в редакции газеты «Правда». Не признала дура! Прошла мимо. Он-то еще мужчина хоть куда! И если бы швейная

фабрика «Парижская коммуна», где он двадцать лет отбарабанил электриком, не накрылась медным тазом, то был бы сейчас и на его улице праздник. Что-то вроде советского Первомая! Многие незамужние женщины да и семейные тоже смотрели на него в ту пору с интересом. А он, высокий, в длинном плаще из кожзаменителя, гладко выбритый и наодеколоненный, шагал с красным знаменем впереди фабричной колонны. Ветер трепал его густые, смоляные волосы. А руки крепко держали увесистый бархатный стяг с вышитым золотом портретом Владимира Ильича Ленина.

Не выстояла «Парижская коммуна» в войне с дешевым китайским ширпотребом, как саранча хлынувшим на наш рынок. В начале девяностых предприятие перешло на сокращенную рабочую неделю, и за долги осталась на зиму без отопления. Потом мужские и детские сорочки, всегда считавшиеся дефицитом, вообще перестали пользоваться спросом. Высококвалифицированные швеи, измученные беспроектным безденежьем, встали за прилавки, кинулись в малый бизнес, поехали за товаром в Турцию, Арабские Эмираты, Китай.

Николай Петрович после банкротства фабрики полгода проторчал в центре занятости, а по вечерам, чтобы не дать дуба, собирал пустые пивные бутылки на остановках. Их брали по рубль двадцать. А буханка черного стоила четыре рубля. Сдавая в день по рюкзаку стеклотары, на пособие по безработице можно было прожить. Тогдашний пре-

мьер-министр, пухленькое лицо которого не вмещалось в телевизор, призывал россиян затянуть пояса потуже.

3

Выход на заслуженный отдых не принес Латышеву жизненных перемен.

Как зомбированный он до глубокой ночи смотрел телек, с надеждой на что-то достойное переключая каналы. Но Останкинскую башню захватила свора воющих на один мотив поп-звезд и скалящих зубы юмористов, при появлении которых ему хотелось запустить в них пультот от телевизора. Интересные сериалы, вроде «Оттепели», показывали редко – и приходилось смотреть всякую белиберду, от «6 кадров» до шоу «Уральских пельменей».

Потом Петрович, как младенец дрых часов до десяти утра. И снова врубал зомбоящик: по первому начиналась программа «Жить здорово», по второму «О самом главном». Елена Малышева и доктор Агапкин учили его жить, объясняя, что нужно исключить и из питания, а что ограничить. Сахар, соль, сливочное масло, колбасу, майонез... А потом шла реклама про школьницу Верочку с бутербродом, который ей сделал папа, а следом за ней артист Пореченков с улыбкой наворачивал ложкой майонез.

Когда от телевизора становилось совсем невмоготу, Петрович подходил к книжному шкафу и выдергивал что-ни-

будь из классики. Чаще всего это был Достоевский. «Преступление и наказание» можно было читать бесконечно и всякий раз, словно впервые. Из четырех томов Лермонтова Николай Петрович брал только один – прозу. Любил поваляться с Чеховым. Вот уж у кого краткость – сестра таланта! Но прочитав с десятков рассказов, Петрович вспоминал сюжеты от силы трех-четырех.

Из зарубежных писателей книжный шкаф гордо хранил полные собрания сочинений Бальзака и Мопассана. В советское время томики любвеобильного француза приходилось прятать за Чехова – мужики с работы обязательно просили дать им почитать. «Чего не жалко», – настаивали они, что означало «с концами». Петрович не давал. «Это – память деда, – говорил он самым назойливым книголюбам. – Из дома не выносятся! Если хотите, читайте здесь!» И интерес к книгам сразу испарялся.

Вглядываясь в знакомые переплеты, Петрович частенько задумался над превратностями жизни писателей. Скажем, Бальзак прожил 51 год, а оставил после себя 24 увесистых тома собрания сочинений. Чтобы стать Наполеоном в литературе он писал по шестнадцать часов в сутки, а когда засыпал с пером в руке, совал ноги в тазик с холодной водой. Может, поэтому Петрович и одолел только треть из написанного им. А вот Ги де Мопассана прочитал все двенадцать томов. Тот, может, больше бы написал, да из-за врожденного сифилиса не дотянул и до сорока трех лет.

Хотя, если взять нашего Лермонтова – тот вообще прожил с гулькин нос, но своим творчеством ознаменовал расцвет русской литературы. И было бы у Михаила Юрьевича не четыре, а четырнадцать томов, если бы он прекратил издаваться над Николаем Мартыновым. В желании досадить майору в отставке поэт цеплялся к каждому его слову. А досадил самому себе. А после смерти и вовсе началась мистика: в год столетия со дня рождения поэта грянула Первая мировая война, в год столетия смерти – Великая Отечественная. А после пятидесятилетия со дня смерти рухнул Советский Союз.

Выйдя на пенсию, Петрович частенько примерял свои шестьдесят лет на жизни великих. И результат частенько был в его пользу. Адольф Гитлер покончил жизнь самоубийством в пятьдесят шесть. Дедушка Ленин не дотянул до пятидесяти четырех! А Наполеон Бонапарт отправился на тот свет в пятьдесят один.

4

Соседка Капа, узнав от Петровича, какую пенсию ему отвалили, долго качала головой. А потом как всякая сердобольная женщина стала давать советы. Мол, надо идти в собес, хлопотать удостоверение ветерана труда.

– Под лежачий камень вода не течет, – толковала бабка Капа, шамкая беззубым ртом. – У ветеранов большие льго-

ты по оплате жилья, да и четыре сотни рублей социальной доплаты в месяц лишними не будут.

Век живи – век учись. Если бы не Капитолина Федоровна, так Латышев не скоро узнал, что ему положено. Почистил Петрович вечером ботинки, стрелочки на брюках навел и с утра пораньше двинул в отдел социальной защиты населения.

А там вавилонское столпотворение – по всему коридору старики стены подпирают. Присесть негде – на полсотни человек три скамейки. Спросил Петрович, кто крайний и сам спиной к стене привалился. Думал, часа два придется стоять, не меньше, но очередь двигалась быстро. По причине отсутствия «необходимого пакета документов» старики выскакивали из кабинета, как пробки из шампанского.

Попав за дверь, Петрович не успел толком осмотреться, передохнуть, как был взят в оборот сидящей за крайним столом работницы.

– Фамилия, – не отрываясь от компьютера, словно в нем решалась судьба всего человечества, спросила женщина. И по выражению ее лица, заплывшего, с пухлыми накрашенными губами, Петрович понял, что эту стену ему не пробить. Чтобы не тратить зря времени ему хотелось развернуться и уйти, но, вспомнив слова соседки про лежащий камень, он отважился пройти свой путь до конца.

– Латышев, – ответил он. – Николай Петрович.

– Год рождения?

Он назвал.

– Место постоянного проживания, – стучала по клавиатуре толстыми, как сосиски пальцами чиновница. – Государственные награды имеете?

– Что? – переспросил Николай Петрович, чем вызвал недовольный вздох собеседницы.

– Медали, ордена, почетные звания, грамоты, благодарственные письма министерств и ведомств? – перечисляла женщина, словно наперед знала, что ничего подобного у стоящего перед ней пенсионера нет.

– Не имеется...

– В таком случае, Николай Петрович, вы не можете претендовать на звание «Ветерана труда» федерального значения.

– А регионального? – не уходил Латышев.

– Регионального? – будто спохватившись, уткнулась в монитор сотрудница. – Для присвоения звания Ветерана труда нашей области пенсионер должен иметь сорок лет трудового стажа, а у вас, Николай Петрович, только тридцать девять с половиной. Поработайте еще полгодика – и приходите. До свидания!

– До свидания, – пятась к двери ответил Николай Петрович, не понимая, как так получилось, что за всю свою жизнь он даже не заслужил звания ветерана труда.

Домой вернулся как оплеванный. И так ему больно и обидно стало, что он задумался о самоубийстве. На Олим-

пиаду у государства деньги есть, депутатам и министрам зарплату разогнали до заоблачных высот, а на пенсионерах решили сэкономить! Живите, как можете. А если мало, идите в дворники, уборщицы, санитарки. Метите дворы, мойте полы, выгребайте говно из-под лежащих больных. За шесть тысяч рублей в месяц.

Нет, просто так, по-стариковски незаметно, Петрович прощаться с белым светом не собирался. Уж если и хлопнуть крышкой гроба, так, чтобы всем чертям тошно стало. Пусть начальство из пенсионного фонда и собеса на всю оставшуюся жизнь запомнит пенсионера Латышева! Научит он их, гадов, Родину любить! И старость уважать!

Доделав бутылку водки «Рыбацкая язь» и опустошив банку килек в томатном соусе, Петрович уже рисовал в голове картины одну другой страшнее. Вот он открывает конфорки газовой плиты, плотно занавешивает на кухне шторы и уходит в комнату, закрыв за собой дверь. Где-то через час, полтора, когда запах газа станет невыносимым, он зайдет на кухню и чиркнет спичкой. Рванет так, что его подъезд разнесет как карточный домик. По телевизору такое уже показывали, только списывали на утечку бытового газа. А тут будет не утечка, тут будет гром и молния и тысяча чертей!

Терять Петровичу нечего. Страна, где молодым была везде у нас дорога, а старикам везде у нас почет, канула в лету. А жить в формате 3D (донашивать, доедать, доживать) – надоело! Сколько можно бегать по городу в поисках подсол-

нечного масла, что на пять рублей дешевле, чем в соседнем магазине? Питаться сосисками, на которые соседский кот даже не хочет смотреть, а не то что нюхать? Зашивать кордовыми нитками расползающиеся по швам ботинки? В ближайшем супермаркете продавщицы уже давно узнают «дедушку» в лицо. Говорят, когда завозят недорогой творог или рыбные консервы. И провожают к «пенсионерской» полке, заставленной банками с зеленым горошком и бычками в томатном соусе, которую местные алкаши называют «закусочная».

Но на трезвую голову разбуженному теплыми лучами проклюнувшегося в окно солнца Петровичу расхотелось покидать этот прекрасный и яростный мир раньше времени. Здоровьем его Бог не обидел, сила есть – живи да радуйся! Это в школьные годы, нахватав полный дневник двоек, он представлял, как заболит и умрет. Но не по настоящему, а в понарошку, чтобы посмотреть, как заплачут возле гроба его близкие и учителя. Тогда о нем наверняка бы зарыдали. Но кто, скажите, пожалеет склеившего ласты шестидесятилетнего старика?

Мужики во дворе только посмеются: «Помер Максим и х. р с ним!» Скольких ровесников Харон уже перевез на лодке на другой берег! Володьку Макарова, Серегу Новожилова, Генку Борисова – это только из одноклассников. Кольку Старостина и Сашку Забелина – ребят со двора, с которыми в детстве он, как умалишенный, гонял по двору велосипед-

ный обруч, а став постарше, ходил зимой на каток зажимать девчонок.

На прошлой неделе сыграл в ящик сосед по дому Борис Васильевич Дыбенко, подполковник в отставке, красавец мужчина пятидесяти двух лет. Все хвалился своей военной пенсией, собирался свозить супругу на отдых в Таиланд, показать ей трансвеститов. Но тяпнул инфаркт. Как говорил булгаковский Воланд: «Да, человек смертен, но это было бы еще полбеды. Плохо то, что он иногда внезапно смертен, вот в чем фокус!»

И тогда всем врагам назло, и в-первую очередь опустившим его на дно нищеты олигархам, губернаторам и депутатам, Петрович решил жить. И прожить столько, сколько Господь позволит. А может еще и за границу съездить. В Турцию или Египет. Посмотреть, как другие народы живут. Ведь нигде кроме Черного моря Петрович не был. А если с каждой пенсии откладывать по тысяче, то через год можно увидеть египетские пирамиды.

5

Любил Петрович, лежа на диванчике, поразмышлять о жизни. Не о своей, а вообще. Зачем она придумана? Кем? Всевышним?

Над этой загадкой Латышев частенько задумывался в армии, когда один на один с трескучей морозной ночью стоял

в карауле. В накинутах на шинель тулупе, заиндевелой шапке-ушанке и серых солдатских валенках он накручивал круги возле деревянных складов со средствами радиационной и химической защиты. Что находится за огромными металлическими воротами он не знал. Говорили, противогазы, общевойсковые защитные комплекты и медицинские аптечки на случай ядерной войны.

На политзанятиях постоянно твердили о милитаристской политике США, которые в любой момент готовы развязать третью мировую войну. «Вот поэтому мы должны быть на чеку, – внушал заместитель командира роты. – Обязаны держать порох сухим!» Армия в те времена считалась школой жизни, после которой молодые люди становились морально и физически окрепшими.

Но занятия в Ленинской комнате не давали ответов на вопросы, которые мучили Латышева в карауле. Он подолгу смотрел в звездное небо, выискивая знакомые созвездия, словно именно в них скрывалась недоступная ему тайна мироздания. Космос, вселенная, бесконечность – от одних слов ему становилось жутко. Николай не мог представить себе бесконечность. И конечность – тоже. Не хватало воображения.

Самый надежный вариант: об этом вообще не думать. Но как не думать, если думается? Кажется, еще философ Декарт сказал: «Я мыслю – значит существую». И поэтому, выходя в караул, Латышев много думал о своем существова-

нии, но сводил все к физиологии. Мол, пока гоняет сердце кровь по сосудам – он шагает с карабином СКС за плечом, любит звездным небом, думает о грядущем дембеле, а перестанет – и все закончится.

Вступив в партию, Николай Латышев стал идейным атеистом. Он не верил ни в Бога, ни в черта, считая религию опиумом для народа, а рассказы о вечной жизни – поповскими сказками, придуманными для их безбедного существования и угнетения трудящихся. Как молодой коммунист, Латышев получил на фабрике партийное поручение отслеживать факты участия комсомольцев в проведении религиозных обрядов. Раз в месяц он ходил в горком ВЛКСМ и просматривал списки, замеченных в крещении новорожденных. Комсомольцы были обязаны вести решительную борьбу с религиозными предрассудками, и вопрос их участия в обряде крещения рассматривался сначала комсомольской организацией, а затем на бюро горкома. В конечном счете, осознавшие ошибку отделялись строгим выговором с занесением в учетную карточку, а не осознавшие – исключались из комсомола.

Чем тогда грозило исключение из ВЛКСМ? Клеймом на всю жизнь! Молодой человек не только терял шансы на успешную карьеру, но и занятие руководящих должностей, работу в органах власти, даже на выезд за границу. Скольким Латышев испортил жизнь – теперь не вспомнить. Что было, то было. А теперь сам обзавелся нателным кре-

стиком и, выходя из дома, крестился и шептал: «Господи, благослови!».

И Бог слышал его. Не сразу, конечно, как только Петрович повесил себе крестик на шею, а когда, уподобившись вонючим бомжам, стал Петрович по утрам копать в мусорных ящиках. Но пустые бутылки и жестяные банки из-под пива – смешная прибавка к нищенской пенсии. Все равно, что таблетка анальгина больному раком. Один позор да зараза! Но именно, когда он опустил ниже некуда, Господь или какая-то другая высшая сила в один прекрасный день ниспослала ему чемодан.

Чемодан был из советского прошлого. Коричневый, с металлическими креплениями по углам и двумя сломанными замками. Из любопытства Латышев поддел находку ногой – и на снег вывалилась стопка ученических тетрадей, записных книжек и открыток. Петрович присел на корточки, не глядя, откинул тетрадки в сторону и взялся за открытки. Судя по почтовым штемпелям, им было лет по пятьдесят, не меньше.

«Дорогая Мария Николаевна, поздравляю Вас с Новым годом! Желаю Вам здоровья, успехов в работе и долгих лет жизни. Учащаяся 3-го класса Смирнова Таня», – прочитал он на одной из открыток и улыбнулся. Вспомнилось школа. Его одноклассницы из года в год тоже старательно поздравляли классную с Новым годом, Женским днем 8 марта, годовщиной Великого Октября.

Он уже хотел было выбросить открытки обратно в разинутую пасть чемодана, но вдруг вспомнил, что на барахолке они пользуются спросом. Встав на колени, Петрович собрал все, что представляло интерес. Стопка получилась внушительная – штук двести.

Дома, надев очки, Латышев внимательно просмотрел все открытки, среди которых оказалось несколько новогодних, навевших детские воспоминания. Несущие елку Буратино с Медвежонком; нарядный Снеговик; мальчик-почтальон в звездолете. Их Петрович отложил в сторону. А с остальными в ближайший выходной решил сходить на барахолку. Чего стесняться? Это давным давно, молодой да красивый, он ехал на ярмарку, а сегодня старый и больной, возвращается с ярмарки.

6

Барахолка в городе существовала вечно. После войны в обнесенном деревянным забором закутке процветала торговля поношенными вещами, самодельной мебелью и кустарными ковриками с русалками. А еще разной мелкой домашней живностью: кроликами, цыплятами, козами. Ну и, конечно, голубями.

Николай хорошо помнил, что метров за сто до барахолки, в березовой рощице сидела бельматая старушонка с высохшим как у мумии лицом. Бабка Настя. На коленях у нее ле-

жала книга для слепых, вода по которой кривым пожелтевшим пальцем она предсказывала людям судьбу. На вопросы о суженом, свадьбе или детях бабка отвечала, конечно, не просто так, а за деньги. Брала недорого, отчего вокруг нее беспрестанно толпилась очередь.

Второе дыхание барахолка обрела в годы перестройки, когда все в стране вдруг превратилось в дефицит. Одежда, обувь, посуда, моющие средства, книги, сигареты. Пользующиеся спросом промтовары отпускались только по талонам и книжкам покупателей, но по завышенным ценам их можно было найти на барахолке. Спекулянты предлагали из-под полы джинсы «Ливай Стросс», кроссовки «Адидас», финские женские сапоги, косметику.

«Памада! Памада, девачки! Тушь для ресниц! Тени! – еще на подходе к толкучке зазывали прохожих смуглые, в пестрых платках цыганки. – Жувачка! Сигареты! Зимние сапаги, девачки!» Пока одни цыганки торговали дефицитом, другие, с грудными детьми на руках или в почтенном возрасте, просили «позолотить ручку», обещая предсказать судьбу или снять наложенную порчу.

«Вижу, человек ты с добрым сердцем, – заводили они долгоиграющую пластинку. – Но нехорошие люди задумали против тебя плохое. Заверни рубль в бумажную денежку – все как есть тебе расскажу». Доверчивые прохожие лезли в карман, доставали денежку. Одну, другую, третью – и сразу пропадал сглаз, исчезали болезни и, само собой, деньги

в кошельке.

Предприимчивая дамочка средних лет приходила с огромным персидским котом по кличке Маугли. Рыжий красавец, словно король восседал в корзине, и вся проходящая мимо детвора невольно тянулась к курносому мурлыке. Но натыкалась на табличку «Погладить кошечку – рубль. Сфотографироваться – пять».

А рядом, на небрежно брошенном на землю картоне разворачивалась забава посерьезнее: «игра в наперстки». «Кручу, верчу – запутать хочу!» – бандитского вида паренек предлагал прохожим угадать, под каким из трех наперстков находится шарик. Он добродушно скалил металлические фиксы и демонстрировал публике болтающуюся на шее золотую цепь и выколотые на пальцах перстни. И казалось, что вся страна, потеряв разум, крутилась с ним в одном хороводе, где мерилom всему были деньги, а человеческая жизнь не стоила и ломаной копейки.

В двухтысячные годы рынок носильных вещей сломался под натиском предпринимателей, торгующих автомашинами. Ржавые металлические ряды с глаз долой убрали, и на их месте развернулась бойкая купля-продажа подержанных авто и запчастей. О барахолке, казалось, позабыли на века. Кому нужны поношенные вещи, старые подушки, одеяла, годами валявшийся в сараях инструмент?

Но оказалось, нужно. Толпы приехавших на заработки таджиков, узбеков и других мигрантов днем с огнем искали,

где бы по подешевле одеться, обуться, обзавестись добротной ножовкой, рубанком, молотком. И барахолка возродилась. Потянулись на нее живущие поблизости бабули и дедули, таща на продажу свое барахлишко. Детские игрушки, лыжи, пластинки, одним словом, все, что пылилось на антресолях и чердаках. Видя, что здесь можно недорого прибарахлиться, волна за волной пошли гастарбайтеры. Потом объявились скупщики антиквариата, коллекционеры и барахолка возродилась, как птица Феникс.

7

На картонную коробку с ёлочными украшениями Латышев наткнулся случайно. Но видно снова благодаря Божьему промыслу. Дело в том, что лежащая за мусорным контейнером коробка была завалена сверху разным тряпьем, на которое пенсионер давно не реагировал, потому что брезговал. Не хватало какую-нибудь заразу домой притащить. А тут его как будто подтолкнул кто глянуть на валяющуюся солдатскую шинель.

Память хранила детскую страсть ко всему военному: погонам, петлицам, звездочкам. Приподнял он эту шинельку, а под ней скукожившаяся коробка, а в коробке запутанные в вате и мишуре стеклянные бусы, шары, сказочные персонажи на прищепках, картонные верблюды, рыбки. Видно, молодежь решила навести порядок на антресолях, а там это ста-

риковское барахло, вот и выбросили с глаз долой. Даже елочного Деда Мороза не пожалели.

Не мудрствуя лукаво, Петрович прихватил всю коробку под мышку. Дома очистил игрушки от ваты и блесток – и с чистой совестью притащил на барахолку. Сразу все выставлять не стал, решил посмотреть, как пойдет торговля. А то рышущие, словно волки старьевщики быстро его облапошат. Глазом моргнуть не успеешь, как останешься в дураках.

За ватного Деда Мороза, у которого в двух местах была порвана шуба, дали полтинник. Стекланные бусы потянули на семьдесят рублей. Зато на ура пошли картонные животные и рыбы, сделанные, как выяснилось, в ГДР. Одного верблюда, что выглядел поновее, Петрович отдал за тридцатку, а остальных впарил какому-то очкарику по двадцать рублей за штуку.

К полудню ушли и все стекланные человечки на прищепках – их забрал мужик, специально приехавший на барахолку из Москвы. В отличие от местных скупщиков он практически не торговался. Легко достал распухший от купюр бумажник и щедро отстегнул триста рублей. А пока Латышев аккуратно оборачивал каждую елочную игрушку в газетную бумагу, чтобы не разбилась, все расспрашивал, нет ли у него дома старинных икон, поддужных колокольчиков и наград. Ничего такого у Петровича отродясь не было. Но кем-то выброшенная коробка с игрушками сразу принесла почти пять-

сот рублей!

На поздравительные открытки клюнул Мусорщик – сутулый парень с корявым лицом. Он долго их перебирал, кочевряжился, говорил, что открытки неважной сохранности, хламяе, которое можно смело выбросить. Но как только на горизонте возник конкурент Леша Бунтов – сдался:

– Беру, отец, беру! По червонцу за штуку. Если есть еще – приноси!

Парень ловко сунул открытки за пазуху, достал кошелек, и только после того, как конкурент испарился, стал старательно считать открытки.

– Тридцать четыре штуки – это триста сорок рублей. Держи, батя! – он протянул три сотни. – Пойдет?

– Еще сорок рублей, – заметил Петрович.

– Нет у меня, отец, мелочи – поверь, одни тысячные остались.

– Давай тысячную – я сдам, у меня есть.

Мусорщик нехотя полез в карман и вытащил горсть монет.

– Держи!

Каждое утро Латышев обходил ближайшие к дому контейнерные площадки. Шел знакомым до мелочей маршрутом, хорошо помня, где и чем поживился. За контейнерами у два-

дцать второго дома нашел вполне приличные женские сапоги – на барахолке какая-то узбечка дала за них семьдесят рублей. За мусорными ящиками во дворе «китайской стены» подобрал драную, заляпанную краской тряпичную сумку с инструментом. А в сумке молоток, зубило, напильники, целый набор гаечных ключей, и не каких-нибудь made in China, а наших, отечественных – на барахолке они всегда в цене. Долго таскать железяки не пришлось – разобрали все, как горячие пирожки.

Но поистине царский подарок ждал Петровича на контейнерной площадке за сорок шестым домом. Там какой-то умник выбросил целую библиотеку. Книжки, конечно, не важные, в мягком переплете, подмоченные снегом из серии «Классики и современники»: Герцен, Короленко, Тургенев, Мамин-Сибиряк. На барахолке за них гроша ломаного не дадут. И все же Петрович не поленился, поднял парочку – и на снег посыпались бумажные деньги. Десять сторублевых купюр образца 1991 года, скорее всего, спрятали под обложкой «Униженных и оскорбленных» на черный день. В советское время это были приличные деньги, а теперь – коллекционный материал. Хотя и на него должен быть спрос: советские боны всегда в цене.

А еще Латышев как-то нашел замызанную куклу восьмидесятых годов, с голубыми закрывающимися глазками и пищалкой в спине. Отмыл, почистил – стала как новенькая. Все это «богатство» он еще с вечера сложил в походную сумку,

а с утра отправился на барахолку. Моросил противный мелкий дождик – и было понятно, что торговля будет никакая. А тут еще и маршрутки куда-то провалились: за полчаса – ни одной. Совсем не задался день. Простояв минут двадцать, Латышев уже хотел было вернуться домой, но торговый азарт оказался сильнее.

До барахолки добрался около девяти. Пришел, можно сказать, к шапочному разбору – все места в торговых рядах оказались занятыми. Дождик сделал свое дело: даже бабульки, обычно раскладывающие товар на земле, попрятались под крыши. Привычное место Латышева, между стариком Шоломиным и Витей-Митей облюбовал двухметровый мордovorot с компакт-дисками. Качать с ним права Петрович не решился – здоровье дороже. Прошел в конец рынка, где наметанным взглядом сразу приметил пустующий прилавок. Но только стал раскладываться, подскочила горбатая старуха в цигейковой шубе:

– Занято!

– Кем?

– По-хорошему говорю, мил человек!

Латышев прекрасно знал, что это место Утюга – неразговорчивого поджарого старика, независимо от погоды всегда обутого в кирзовые сапоги. Тяжелый взгляд, квадратный подбородок и синие от татуировок пальцы выдавали в нем бывшего уголовника. На барахолке он появлялся, как по расписанию – в восемь тридцать, хоть часы проверяй. Тащил

за собой тележку на колесиках. К тележке был привязан старинный коричневый чемодан. А в чемодане, как у Некрасовского дядюшки Якова – товару всякого: напильники, рашипили, надфили, метчики, плашки. Плюс бутылки с керосином и ацетоном, да еще тубики с клеем ПВА и «Момент», одним словом, все, что нужно в хозяйстве. И еще утюг. Легонький такой утюжок застойных лет, с замотанной изолентой ручкой, на который никто не смотрит, но хозяин его носит и носит – отсюда и прозвище у старика Утюг.

Шёл десятый час. Утюга не было. Может, из-за дождя он вообще не появится? И, не обращая внимания на бабу, Латышев продолжал раскладываться.

– Моё дело предупредить, – не уходила старая ведьма. – У Василия Кузьмича разговор короткий!

– Только не надо меня пугать, – заводился Латышев. – Пугал мужик бабу яйцами, а она хрен увидела! Иди, бабушка, с Богом!

Утюг нарисовался минут через десять. Тоже, видно, торговый азарт одолел. Бабка тут как тут:

– Вася, я ему говорила, чтобы не занимал!

Тяжелый убийственный взгляд Утюга ничего хорошего нем предвещал. Но Петрович решил держаться до конца. Будь, что будет. Утюгов бояться – на барахолку не ходить!

– Мужик, тебе русским языком говорят: вали! – взгромоздив свой чемодан на стол, наступал Утюг.

– Мужики в колхозе землю пашут, – не сдавался Петро-

вич.

– Пошел отсюда! – Трясущимися с похмелья руками Утюг вцепился в Латышева, но тот легко отшвырнул его в сторону. От злобы мужик схватился за шило:

– Вали, пока цел – или я за себя не ручаюсь!

– Сам вали! – поправляя клеенку, улыбнулся Латышев. – Кто первым встал того и тапки!

И вдруг стал задыхаться, почувствовал в гортани что-то инородное, схватился за шею руками и догадался, что со стороны сонной артерии у него по самую ручку торчит шило. Как Утюг умудрился его воткнуть, Петрович не понимал. Он уже вообще ничего не понимал, а лишь ловил ртом воздух, как выброшенная на берег рыба. Ноги подкосились. Латышев стал оседать.

Он вцепился руками в клеенку и потянул на себя. С прилавка ему на голову повалилась пластмассовая кукла с выпученными глазами, рубанок и весь его незатейливый скарб, который он так и не успел продать.

Из-за обильной кровопотери и травмы яремной вены смерть наступила мгновенно.

Турецкая ночь

1

Вот так всегда: кого не ждешь, тот и придет. Словно по закону подлости. Еще бы минут пять – семь – и они точно разошлись. Разошлись, как в море корабли.

Мысль заскочить в торговый центр «Метро» – посмотреть что-нибудь из импортного алкоголя посетила Васильева еще утром, когда, тормознув у светофора, он врезался глазами в рекламный щит, на котором красовался мужик с доверху набитой продуктами тележкой. И вот в кои веки он только собрался в этот самый центр, как явился Завадский. Гладко выбритый, самоуверенный, с американской улыбкой лошадиных зубов. Стрижка короткая, под стать бандитам. Бело-снежная с голубым отливом рубашка долларов двести; галстук, как у Германа Грефа, костюмчик тоже явно не отечественного покроя. Но самая фишка – загнутые вверх, словно у турецких султанов остроносые туфли, почему-то всегда раздражающие Васильева, как японский джип деревенских мужиков.

– Как настроение? – пожимая Васильеву руку и не переставая скалиться, спросил Виктор Маркович. Именно скалиться, потому что в нашей стране так навязчиво демонстрировать свои зубы можно только что в рекламе зубной пасты.

С парфюмерией, естественно, тоже перебор, хоть форточку открывай – Кристиан Диор отдыхает.

– Выше среднего, – без энтузиазма бросил Борис Иванович.

– А у меня до вас две новости, – витиевато, как всегда издалека, продолжал Завадский – по одежке, так менеджер средней руки, а по умственным способностям, говорят, большой специалист по PR-технологиям, которого Васильев едва уломал помочь ему на выборах.

– Одна хорошая, другая – не очень. С какой начнем-с?

Улыбчивый двадцатичетырехлетний мальчик знал себе цену. Понимал, что в условиях нарождающейся российской демократии не останется без куска хлеба, с верхом намазанного красной икрой. А все потому, что со студенческих лет имел хорошо подвешенный язык и уже на третьем курсе университета подрабатывал политическим обозревателем на местном телеканале. После четвертого – держа нюх по ветру, примазался консультантом при какой-то политической партии, а, заполучив долгожданный диплом, и подавно смылся на стажировку в Штаты.

Чему уж он там полгода учился, какие науки постигал, сказать трудно, но домой вернулся, словно миллион долларов выиграл – важный, деловой, в дорогих очках, с не сходящей с лица улыбкой. С мэром стал за руку здороваться, с губернатором – чего еще надо? Чуть ли не ногой открывая двери во все властные кабинеты, зарегистрировал свою

фирму, и вперед – стал консультировать местных политиков на региональных выборах. И уж если сходилась в цене, выдавал 99-процентную гарантию победы. Это была весьма заманчивая наживка, на которую клевали и старые партийные щуки и мутные ново-русские караси. Попался на этот крючок и далекий от предвыборных шоу Васильев.

– Давай, Виктор Маркович, с хорошей...

– Понял. Вчера вечером ваш «двойник» вследствие широкомасштабного финансового наступления все же снял свою кандидатуру!

– Отлично!

– Стараемся, Борис Иванович, ночей не спим – стараемся...

Свое «старание» по устранению из избирательного бюллетеня полного тезки Васильева – некоего ветерана войны Бориса Ивановича Васильева, своим ли уж маразматическим умом или с подсказки конкурентов вознамерившегося биться за депутатский мандат в десятом избирательном округе, Завадский оценил в три тысячи баксов. Сколько из них перепало самому старику – остается тайной за семью печатями. Но кое-что, пусть и не в долларах с портретами американских президентов, а в наших, российских купюрах с памятником Ярославу Мудрому, он за свое удачное совпадение ФИО все же срубил. Повезло, выходит, ветерану. И Виктору Марковичу повезло. Неизвестно даже кому больше. Ведь мог бы старый пенек упереться, и в свои семьдесят семь лет

как легендарный Николай Гастелло пойти ради депутатского портфеля на таран.

Вот так, запросто, без шума и пыли из пяти официально зарегистрированных кандидатов на одного Васильева стало меньше. А останься дедушка в списке, только одному Богу ведомо, сколько бы голосов он оттянул у Бориса Ивановича.

– Какова же вторая новость? – торопил Васильев.

– Вторая? – Виктор Маркович красивым жестом поправил очки. – Наш главный конкурент подполковник Гребенюк подал в избирательную комиссию жалобу, где пишет, что на последней встрече с избирателями вы, раздавая старикам по два килограмма муки, вели их открытый подкуп!

– А ему кто мешал? – побагровел Борис Иванович. – Разнес бы старикам по четыре килограмма, а к ним по бутылке подсолнечного масла! Все лучше, чем кормить пенсионеров баснями о своих армейских подвигах! Родину он, видите ли, защищал, обороноспособность страны укреплял, протирая штаны в районном военкомате. Все почтовые ящики завалил листовками. А поинтересовался бы: кто их читает! Кому они нужны?

Не нравилось Васильеву, что подполковник Гребенюк шагает с ним в одну ногу. Как узнал – словно крылья подрезали. Слишком серьезный соперник: если надо – в угольное ушко пролезет. Хитрый. Коварный. Злопамятный. Коллеги по думе его рецидивистом кличут: как-никак два созыва в областной думе отсидел, а в перерыве между ними книжку «Как

стать народным избранником» успел сочинить. И вот на новый срок намылился. Плохо ли ему, если депутатов-военнослужащих сразу на постоянную работу зачисляют и не хилое жалованье кладут? Шансы снова заграбастать депутатский портфель имеет приличные, да и люди за ним стоят серьезные, с деньгами.

Вот только большинству избирателей Гребенюк надоел до блевоты. Привык в военкомате всех строить, болтун. Слов, словно воды в водохранилище, а конкретных дел и под микроскопом не разглядеть. Да и в моральном плане подполковник далеко не ангел: герой всех скандальных публикаций. То он всю ночь оттягивается в ночном клубе с девицами легкого поведения, а утром в одних носках несется в милицию с заявлением, что его, видите ли, обокрали. Раздели до трусов – забрали деньги, костюм и нательный крестик. А депутатское удостоверение, словно в насмешку, не тронули. Еще в газетах писали, что управляющая компания с ним судилась из-за долгов по квартплате, а соседи просили принять к нему меры воздействия за то, что он их громкой музыкой по ночам глушит. Между прочим, как подчеркивали заслуженные учителя, самая любимая песня у народного избранника – «Вова Чума»! Весь этот отрицательный баланс главного соперника плюс девяносто девять процентов гарантии Завадского – и придавали Васильеву уверенности в предстоящей победе.

– По Гребенюку есть что-нибудь свеженькое?

– Мой человечек в пресс-службе мэрии на днях рассказывал, как подполковник двух проституток утром из окна думы выставлял. Те, бедняжки, выскочили в одних туфлях, орут, матерятся, а он им нижнее белье из кабинета через форточку выкидывает...

– Кино...

– Может скинуть новость газетчикам?

– Зачем? Лишние расходы. Пресса об этом и так напишет, а Гребенюку – дополнительная реклама: любит у нас народ разных марычевых и шандыбиных.

– Что предпримем в отношении оставшихся кандидатов? – недовольный ответом Завадский погрузнел. Белозубая улыбка исчезла. Губы скривились, как от кислого яблока. И все же он держался молодцом: американская школа, золотой кадровый резерв президента России. – По Галкину предлагают любопытный материал... О его, так сказать, моральном облике...

– А что у Галкина с моральным обликом? – не понял Васильев.

– Говорят, была судимость в несовершеннолетнем возрасте.

– Подумаешь – судимость... Врать не буду, но по слухам, из двухсот пятидесяти трех зарегистрированных кандидатов у тридцати шести в прошлом были проблемы с законом, а на пятерых – до сих пор ведутся уголовные дела.

– Но у Сергея Петровича уж очень статья интересная...

– Я слышал: изнасилование...

– Попытка... 117 через 15-ю!

– Мальчишество... Галкин мне не конкурент...

Это точно. Сергей Петрович пошел на выборы не по собственной инициативе. Если бы не настойчивые уговоры Васильева в гробу бы он их видел! Какому, скажите, нормальному человеку захочется, чтобы пресса и телевидение каждый день копались в его нижнем белье? Да еще всякие провокаторы звонили по ночам домой, и рассказывали родственникам разные небылицы? Чтобы так рисковать, надо быть не только кристально чистым, а вообще ангелом во плоти. Галкин с его пусть и погашенной судимостью по 117-й все это прекрасно понимал.

Но во время выдвижения кандидатов, а шло оно поначалу через пень колоду, чтобы не остаться с носом, Борису Ивановичу – нож к горлу требовалась альтернатива, и он пошел к своему школьному приятелю кланяться в ножки, уговаривать, умолять. И с третьей попытки уговорил, уломал-таки, бросив в ресторане «Якорь» на бочку штуку баксов. Да еще две пообещал после своей победы. Корочки помощника депутата, чтобы Сергей Петрович, как уважаемый в городе человек четыре года бесплатно катался на общественном транспорте, предлагались исходя из итогов голосования.

Зато теперь, если даже все потенциальные соперники Васильева разом снимут свои кандидатуры – Галкин останется при любом раскладе – и выборы состоятся. Завадский, ко-

нечно, не в курсе, но им с Сергеем Петровичем и подписи по домам собирали одни и те же люди – работники «Победы рабочих», и сдавали они их в один день. Правда, у Васильева избирательная комиссия почему-то девять подписей забрала, а у Галкина – только две.

– Понял, – словно гроссмейстер, мгновенно просчитывающий шахматную партию на много ходов вперед, согласился Завадский. – Остается одна Поленова.

Завуча средней школы №33 Нину Петровну Поленову, сухощавую, с вечно перекошенным от работы лицом женщину в годах, Васильев всерьез не воспринимал. Не любит наш народ врачей и учителей, объясняя их страстный порыв встать на защиту народных интересов вполне понятным желанием подтянуть штаны собственного благосостояния.

– Тогда, может, концерт какой-нибудь звездочки для молодежи забабахать? – предпринимал последнюю попытку вытащить из Васильева дополнительные деньги Завадский. – У меня есть выходы на Катю Лель.

– Это что «муси-пуси» поет? – улыбнулся Васильев.

– И «джагу-джагу», – в предвкушении засветившихся на горизонте финансовых потоков, заерзал в кресле Завадский. – Могу прямо сейчас созвониться...

– Надо подумать, – заметил Борис Иванович, а сам решил, что никакой концерт ему погоды на выборах не сделает. Молодежь – самая несознательная часть электората. На концерт, конечно, придут, повеселятся, попьют пива, а голо-

совать – на аркане не затащишь. Виктор Маркович и сам об этом прекрасно знает, но ради лишней возможности вернуть чужой кошелек строит из себя дурачка. Концерт – сто процентное выбрасывание денег на ветер. Лучше старикам еще муки подкинуть.

– Насчет «Муси Пуси» можно, конечно, подумать, – продолжал Васильев. – Только сначала узнай, во что это удовольствие выльется.

– Узнаю, Борис Иванович, сегодня же и свяжусь, есть у меня в столице один хороший человечек – вместе в Штатах стажировались, – давил своими связями и знакомствами Завадский. – В прессу о вас что-нибудь хорошее еще будем давать? На телевидение? Может, рекламный ролик сделаем? Ребята знакомые – не разорят.

– Они-то, может, и не разорят, да уж слишком дорога на телевидении минута эфира! У меня на заводе высокопрофессиональные рабочие столько в месяц не зарабатывают!

– Не понимаю я вас, Борис Иванович, второй месяц вместе, а все равно не пойму. Крепкий хозяйственник, видный руководитель-реформатор, а рассуждаете, извините, как какой-нибудь красный директор. О рабочих все время печетесь, которым на вас по большому счету плевать с высокой колокольни, на мелочах экономите, на копейках выгадываете – тогда зачем, спрашивается, было на выборы идти? Сидели бы на своем заводе – и забот не знали. Не мне вам объяснять, сами понимаете, что газету в лучшем случае чело-

век сто прочтает, а по телевизору вас вся область увидит! И мэр, и губернатор, и полномочный представитель президента, и весь депутатский корпус...

Васильев промолчал.

Для журналистов и консультантов выборы – Клондайк. Никто не спорит.

Хороший материал в «Областных новостях» подготовили, душевный. Постаралась девочка-корреспондент – три дня за Васильевым, как на веревочке ходила, с людьми встречалась, с ветеранами завода. Не зря свой хлеб ест. И фотографии выбрала выигрышные. На одной Васильев с женой во Дворце бракосочетания: оба молодые, худенькие – смотреть приятно. Он только что из армии демобилизовался, Галя институт окончила. На другой фотографии – Борис Иванович (тогда еще главный инженер) улыбающийся, веселый, с красным бантом на груди возглавляет заводскую колонну на Первомайской демонстрации. На третьей он (уже заводской парторг) принимает эстафету трудовых дел от прославленной многостаночницы, Героя Социалистического труда, ныне покойной Веры Федоровны Агафоновой. Все по делу. Ведь у людей старшего поколения, которое в основном и топчет избирательные участки, обостренное чувство тоски по советским временам.

– Одним словом, Борис Иванович, как я понимаю, на данном этапе предвыборной борьбы вы в моих услугах не нуждаетесь, – как пузырь надулся Завадский. – Рассчитываете

на собственные ресурсы. Расклейку листовок о поборах завуча Поленовой с родителей выпускников школы считаете клеветой. За статейку о новых похождениях господина Гребенюка с девочками платить не собираетесь. Да и рекламный ролик на телевидении вам кажется слишком дорогим! Хозяин – барин. Но боюсь, что при вашей нынешней пассивности потом не пришлось бы локти кусать. Разрешите откланяться.

«Слава Богу! – вздохнул после ухода Завадского Борис Иванович – До чего же тяжелый человек! Прямо энергетический вампир какой-то, а не консультант по региональным выборам! Что же дальше-то с ним будет, лет через десять – двадцать? Или в губернаторы выбьется, или под пулю попадет».

Больше всего Васильева беспокоило, что Завадский мог работать на два фронта. И вашим, и нашим. То, что он оказывал информационно-аналитические услуги кандидатам в депутаты по другим округам, Виктор Маркович и сам не скрывал. У него была просто маниакальная страсть к деньгам. Особенно к зелени, которую он пересчитывал по несколько раз, словно боялся, что его кинут. Но совсем другое дело, если он стал оказывать услуги потенциальным конкурентам Васильева. С Поленовой, конечно, взять нечего – у школьного завуча в кармане только вошь на аркане, да блоха на цепи. А вот на подполковнике Гребенюке, который меняет ино-марки, как перчатки, вполне можно пожить.

Но наивно было бы, если бы Васильев открыл Виктору

Марковичу все карты. Ведь вполне может случиться, что сегодня Завадский работает на него, а завтра, если посулят куш больше, как флюгер перевернется в стан противника. Именно из этих соображений Борис Иванович, хоть и остро нуждался в поддержке, все равно не стал посвящать своего консультанта в семейный конфликт. Зачем путать личное с общественным?

О том, что кандидат в депутаты полгода не живет с законной супругой, приобрел в центре города однокомнатную квартиру и ведет там холостяцкий образ жизни, широким массам знать необязательно. Супруга, которой сразу же после выборов он пообещал не только оформить развод, но и оставить старую квартиру со всей обстановкой, завила, что будет держать язык за зубами. Это лет пятнадцать назад, как свой последний аргумент, Галя пригрозила бы ему письмом в райком партии. И чтобы не расставаться с партбилетом, а вместе с ним и с должностью заводского парторга, он бы нажал на тормоза и уступил. Нынче совсем другие времена!

И все же, чтобы не давать соперникам по выборам лишних козырей, Васильев заранее провел разъяснительную работу не только с супругой, а и со всем своим ближайшим окружением. Водитель – парень хоть и молодой, но успел пройти Чечню – свое дело знает, да и понимает все с полуслова. У начальника охраны – в прошлом старшего оперуполномоченного уголовного розыска – один единственный недоста-

ток – пьет, так ведь в нерабочее время, а так отличный мужик. С секретарем-референтом, что год назад заняла место в приемной после годичных курсов, считай, после школы, у них получился такой бурный роман, что Васильев едва таскал ноги... На время выборов он оформил всю троицу доверенными лицами с причитающейся в конвертах зарплатой. Народ согласился. А секретарша, добрая душа, даже ездила с ним в избирательную комиссию сдавать подписные листы.

Борис Иванович тогда только что вернулся со Средиземноморского побережья, отдохнувший, загорелый. Председатель комиссии, помнится, еще пошутил: «Где это вы, Борис Иванович, так загорели, что даже нос облез? Не в Турции ли?» – «Да какая к черту Турция! – усмехнулся Васильев. – На дачном участке картошку полел – вот и обгорел весь!»

2

И смех, и грех, но именно в Турции Васильев тогда оторвался на полной программе, как будто первый раз за границу выбрался – дай-то Бог каждому! Надежные, свои в доску ребята из турфирмы, для которых он был больше чем постоянный клиент, устроили ему все за два часа.

В десять утра он звякнул им на сотовый, что хотел бы погреть бока на солнышке, а в одиннадцать они уже обложили его глянцевыми каталогами и ублажали слух знакомыми на-

званиями популярных курортов: Бодрум, Мармарис, Кемер, Белек... Оставалось только ткнуть пальцем в понравившуюся картинку – и компьютер тут же выдавал наличие в отеле свободных номеров, дату вылета и номер авиарейса.

Но лететь еще раз в пусть и облюбованные прежде места Борису Ивановичу не хотелось – по натуре путешественник, он ценил новизну. Вечером быстренько покидал вещи и документы в чемодан, а утром уже стоял с ним у стойки регистрации пассажиров в аэропорту Шереметьево-2.

Ребята не подвели: в Турции Васильева ждал шикарный одноместный номер в 5-звездочном отеле с видом на море и питанием по системе «все включено». Курортное местечко, куда его занесло, выделялось мелкопесчаным пляжем и чистым, удивительно голубым, как на обертках шоколадок «Баунти», морем, отчего весь отель по самую крышу был забит отдыхающими из России.

От длинноногих, бронзовых от загара молоденьких мамочек, словно жарящихся под солнцем золотых рыбок, рябило в глазах. Особенно, когда около десяти утра прямо на пляже все они – одна другой симпатичнее – выстраивались вместе со своими детками на традиционный разминочный танец под руководством темноволосого массовика-затейника – аниматора Таркана. Безжалостно палящее солнце ползло в зенит – и танец повторялся, но уже в прохладном бассейне. А вечером о нем вспоминали перед началом дискотеки. Знакомая, по несколько раз на день везде и всюду

повторяющаяся мелодия доставала до печенки. А сам размеренный, сытый от однообразия быт отеля во многом напоминал атмосферу советских санаториев.

Может быть, именно поэтому мужская половина отдыхающих чаще всего отиралась в спрятавшихся под навесами барах, где с 11 до 23 часов можно было без всякого ограничения накачиваться не только пивом, а и кое-чем покрепче – виски, коньяк и джин местного производства разливались бесплатно. Импортные напитки, увы, шли за отдельную плату.

Но уже на третий день Васильеву все надоело. И холодный джин с тоником, и безбрежное море, и ласковое солнце. Ничто так не утомляет русского человека, как однообразие. Это педантичные немцы и высокомерные америкосы радуются, если у них все стабильно: особенно банковские проценты и цены на бензин. Наш народ, выросший в стране бесконечных экспериментов, устроен совсем по-другому: и очень хорошо – тоже плохо. Поэтому, чтобы окончательно не свихнуться от жары и безделья, Васильев переключился на активный отдых.

Ткнул в карту пальцем – и отправился на экскурсию в Памуккале – живописнейшее местечко, где горячие источники, содержащие окись кальция, привели к образованию известковых отложений. Их окаменевшие белоснежные каскады издали очень похожи на хлопковые плантации, отсюда и название – Памуккале, что в переводе с турецкого –

«хлопковый замок». Вот уж воистину чудо природы! Именно там, в одном из естественных бассейнов с минеральной водой, Васильев с удовольствием провел целый день, весь обгорел, сделавшись похожим на вареного рака, и познакомился с двумя студентами-соотечественниками Таней и Даней.

Симпатичную длинноногую девочку в потертых голубых шортах и не закрывающем пупка оранжевом топики Борис Иванович отметил сразу, еще на посадке в автобус. Она выглядела настолько эротично, что мужчины в годах просто пожирали ее глазами. Но девочка была не одна, а в компании с женоподобным молодым человеком по имени Даниил.

Сказать, что Даня, как он представился, был просто малосимпатичным юношей, все равно, что не сказать ничего, в компании своей спутницы он выглядел гадким утенком. Васильев даже грешным делом подумал, что как бы ни менялся мир, а тема Красавицы и Чудовища останется вечной. Но, присмотревшись к взаимоотношениям студентов, понял, что ничего романтического, свойственного влюбленным, между ними нет. Своим поведением они скорее напоминали промышляющих в коридорах провинциальных гостиниц подростков, когда молодой человек мнит из себя бывалого сутенера, а его подружке достается роль девочки по вызову. Вырвавшаяся за границу молодежь, промотав в первые дни все свои накопления, явно нуждалась в спонсоре. Ребята не могли себе позволить ни предлагаемых турками на каж-

дом шагу фруктов, ни маленькой чашечки чая во время стоянки автобуса на заправке, даже сходить в платный туалет было для них проблемой.

Въехав в ситуацию, Борис Иванович, положивший на декушку глаз, понял, что теперь студенты полностью зависят от него, и как бы растягивая удовольствие от предстоящего обладания девичьим телом, пригласил молодежь совершить с ним спуск по горной реке на надувных плотах-лодках. Естественно, за его счет. Даня сразу радостно захлопал своими белесыми ресницами (интересно, как бы он повел себя, если бы Борис Иванович, не приведи Господи, имел не традиционную сексуальную ориентацию?) А вот Таня, прежде чем сделать выбор в пользу рафтинга, как показалось Васильеву, еще раз оценила его, но уже, не как постороннего мужчину, а как потенциального партнера.

На следующий же день Борис Иванович, пользуясь тем, что студент с видеокамерой устроился рядом с водителем автобуса, на правах спонсора сел рядом с Таней, и со стороны они напоминали солидного папика с пивным животиком и дочку-студентку. Из-за чрезмерного преклонения перед представительницами противоположного пола еще в институте приятели дали Васильеву прозвище Галантный. И всю свою жизнь он покорял сердца женщин, которые, как известно, любят ушами, по большей части словами да остротами, которые сыпались из него, как из фонтана.

Вот и к Тане он начал подбираться с набивших оскомину

шуток-прибауток. Сначала, как бы между прочим, поинтересовался у турка-инструктора были ли у них здесь несчастные случаи? Хорошо понимающий по-русски парень, естественно, ответил, что нет. «Будут», – подражая герою известной кинокомедии, усмехнулся Васильев, чем вызвал у окружающих соотечественников улыбку. Потом припоминал разные турецкие слова, звучащие вроде бы по-русски, но имеющие совсем иной смысл: стакан – скандал, баян – женщина, остановка – дурак.

В отличие от Даниила, забравшегося с женщинами пожилого возраста в большой надувной плот, Борис Иванович, имевший в молодости кое-какой опыт сплава на байдарках, взял с Таней двухместную лодку. Но на первом же крутом повороте горной реки лодка, словно щепка, перевернулась, и кавалеру стоило не малых усилий вытащить девушку из ледяной воды, поймать унесенные течением весла и продолжить путешествие. Невольно соприкасаясь с податливым телом юной спутницы, ловелас-спаситель сразу ощутил в себе мужчину. И это ощущение, словно в далекой молодости, не покидало его до конца водной трассы, где их ждал фантастический обед, приготовленный по рецептам старинной Османской кухни.

После обеда им вручили свидетельства о покорении горной реки и вывесили сделанные во время рафтинга фотографии. Васильев, как и подобает спонсору, купил все до одной, где хоть мельком была запечатлена его юная пассия.

Вечером, оставив Данилу, как третьего лишнего в отеле, они отправились в шопинг по дышащему зноем городку. С ближайшего минарета, усиленная громкоговорителем, плыла в небо вечерняя молитва. Турецкие мальчишки-зазывалы наперебой тянули их в ближайшие лавки и магазинчики купить кожу и золото.

«Добрый вечер! – нутром чувствуя в держащейся за руку парочке русских потенциальных покупателей, вступали в разговор они. – Недорогие кожаные куртки, дубленки, есть любые модели. Тем более что сегодня у нас большие скидки! Посмотрите!» Таня смеялась, а Васильев со словами «Показывай, брат, что тут у вас» уверенно заходил в кондиционированный магазинчик, чтобы укрыться от немыслимой жары.

Возле них тот час же начиналась свистопляска. Откуда-то из глубины лавки появлялся ее хозяин – какой-то там тридцатилетний Хасан. Следом за ним девушка-продавец выносила на подносе маленькие стопки-стаканчики с чаем. И только потом им на плечи обрушивалась лавина кожаных изделий, зависевших, никем не примеренных, только что сшитых, с непереносимым запахом кожи. Но вся беда, что ничего толкового, эксклюзивного, оригинального не попадалось.

Они, смеясь, выходили из одного магазинчика и на них тут же, словно саранча, набрасывались зазывалы из других. Так ничего путного не купив, за исключением каких-то це-

почек с оберегами в форме глазков и мелких сувенирчиков, приглянувшихся Тане, наши герои неспешно прошли весь утопающий в огнях местный Бродвей и вернулись в гостиницу. Тащить девушку сразу к себе в номер Васильев посчитал делом пошлым, отдавая дань курортной романтике, они еще часа два следили босыми ногами на обласканном соленой водой песке.

Шум прибоя, дующий с моря ветерок и идущая рядом девочка в шортиках, которая в любой момент станет твоей, казались Васильеву идиллией. Не было у него такого в жизни. И вряд ли когда будет. Выронив туфли, Борис Иванович остановил свою спутницу, нежно повернул и прижал к себе. Его губы уткнулись в ее губы, а руки нетерпеливо полезли туда, где их совсем не ждали, а может быть, и ждали, но позднее.

Просунув ладонь под резинку трусиков, Васильев, путаясь в волосах, наткнулся на прокладку с крылышками – ту самую, что с утра до ночи рекламируют по телевизору. Выходит, что для полноты счастья ему не хватало только «критических дней». Но эта мелкая неприятность уже вряд ли могла его остановить. Гинеколог из Бориса Ивановича оказался никакой: место, к которому он так стремился, было уже занято... тампоном. Он нажал на него – и девушка вздрогнула... Как там, в детстве играли: сунь пальчик, а там зайчик. Васильев даже поймал себя на мысли: а что, если девушка девственница?

Недавно натолкнувшись в желтой газетке на весьма лаконичное объявление «Девушка девятнадцати лет готова продать свою девственность не меньше чем за 1000 долларов», он долго не мог выбросить его из головы. Что такое для него тысяча баксов, если за благополучный исход нынешних выборов он отвалил в десять раз больше? А можно ли сравнить обладание девичьей невинностью с какими-то депутатскими корочками, пусть и кожаными? Да никогда в жизни!

И вот теперь к своему стыду он вспомнил о том навязчивом желании. Хотя и вспомнил всего на какую-то долю секунды. Ему было неважно девственница Таня или нет – он предложил ей свои условия игры – и она согласилась. Он терзал хрупкую Танину фигурку, а позади нее в ночи светились тысячи огоньков курортного города Канаклы.

На другой день они, словно птицы, парили над морем на парашюте. И пили, пили турецкие виски. По его просьбе Татьяна постоянно бегала с пляжа в бар, чтобы принести ему сразу два пластмассовых стаканчика, и наивный бармен, видя ее усердие, даже предупредил «Мисс, у вас могут быть проблемы со здоровьем». Дурак.

– Борис Иванович, включите шестой канал! – раздался из мобильного голос Завадского, так четко, словно он находился за его спиной.

– Привет, Виктор Маркович! – ответил Васильев. – Какие новости?

– Телевизор включите! Шестой канал! – не унимался большой знаток предвыборных технологий. – Там вас показывают!

Борис Иванович инстинктивно нажал пульт дистанционного управления – и увидел в телевизоре самого себя...

Лоб его был покрыт капельками пота, густые, словно у бывшего генсека брови взъерошены, кожа на носу облупилась.

«В эфире телепередача „Слабо“! – звучал голос за кадром. – У нас в гостях один из отдыхающих нашего отеля. Его зовут Борис Иванович. Сейчас он продемонстрирует нам свой смертельный номер борьбы с алкогольными напитками!».

Камера крупным планом выхватила пять пластмассовых стаканчиков, в каждом из которых было граммов по пятьдесят алкоголя, как говорят немцы, на один дринк.

«В первом стаканчике у нас виски, – пояснил уже знакомый, Данькин, голос. – Во втором – водка! В третьем – коньяк, в четвертом – джин, в пятом – ром! Итак, Борис Иванович, готовность номер один. Начинаем отсчет: десять, девять, восемь, семь...»

После слова «поехали» и так изрядно поддатый Васильев демонстративно убирает руки за спину, берет зубами первую посудину, загнув голову, спокойно выпивает и, как нечто

ненужное выбрасывает в сторону. Кто-то рядом громко хлопает в ладони. Воодушевленный аплодисментами, Васильев довольно улыбается. Поднимает зубами стаканчик с водкой – выпивает. По щекам у него течет пот. Чья-то, судя по браслету, женская рука промокает его загорелое лицо бумажной салфеткой. Пустой стакан улетает вслед за первым. Борис Иванович, словно разъяренный бык, ненавистно смотрит в камеру. Руки у него по-прежнему сцеплены за спиной. Коньяк, а точнее говоря, турецкий бренди, он выпивает за один глоток, не поморщившись. Спасибо советской партийной школе! Но джин, эта примитивная самогонка из можжевельной ягоды, идет неважно.

Оператор-любитель снова берет крупным планом его глаза: от напряжения сетчатка налилась кровью. Дыхание тяжелое. Но Васильев, словно идущий на мировой рекорд спортсмен, не давая себе слабину, берется зубами за последний стаканчик, победно его выпивает, а затем резко разворачивается и в майке и шортах бросается в бассейн...

– Вот так, будучи избранным областным депутатом, Борис Иванович Васильев станет защищать наши интересы, – с усмешкой комментирует показанные кадры приглашенный в студию шестого канала подполковник Гребенюк. На нем парадный китель с золотыми погонами и дюжиной юбилейных медалей, что раздавала еще Сажи Умалатова. – Но это далеко не все причуды генерального директора завода «Победа рабочих». Давайте посмотрим еще один любопытный

сюжетец с участием нашего героя.

У Бориса Ивановича кольнуло в груди, резко, неожиданно. Лоб покрылся холодным потом. Стало не хватать кислорода. «Вот так и случаются инфаркты миокарда, – подумал он, сжав рукой сотовый телефон. – Может, валидол сунуть под язык? Никогда ничего подобного еще не случилось. Заводской врач, которому нет резона врать, во время недавнего осмотра уверял, что у него просто отменное здоровье. Хоть в отряд космонавтов записывайся. И вот, пожалуйста. Оказывается, шалит сердечко-то, шалит».

Следующий сюжет был круче предыдущего: вместе с двумя турецкими танцовщицами, стройными, изящными девочками, Борис Иванович отплясывал на дискотеке танец живота. И ладно бы просто отплясывал, так нет, перед тем, как выйти на сцену, девчонки стащили с него рубашку и, хохмы ради, нацепили лифчик пятого размера, покрасили помадой губы, а на голову надели женский парик... Как там у Высоцкого: «Сегодня в нашей комплексной бригаде прошел слухок о бале-маскараде. Раздали маски кроликов, слонов и алкоголиков, назначили все это в зоосаде...»

Это как раз была та последняя турецкая ночь, когда, чтобы развеселить отчего-то разом взгрустнувшую Татьяну, Васильев был готов на любые жертвоприношения. Носил девушку по пустынному ночному пляжу на руках, пил из горлышка водку, дергался под музыку в танце живота, а в довершении всего, уже в полночь, сунув аниматору двести баксов,

устроил на берегу красочный фейерверк. А шустрый Данька, этот падкий на халяву мальчиш-плохиш, словно дорвавшийся до нижнего белья папарацци все заботливо снимал на видеокамеру – и как только у него аккумуляторы не сели?

– По этическим соображениям, полагая, что возле телеэкранов могут оказаться дети, мы прерываем показ присланной в редакцию видеозаписи, – с ехидцей заметил ведущий программы.

– Жаль, что на самом интересном месте, – хмыкнул Гребенюк. – Но и по тому, что мы сегодня увидели, можно сделать вывод, что во власть нынче рвутся люди, лишённые каких-либо моральных принципов и гражданской ответственности. Мне, человеку военному, привыкшему к дисциплине и порядку, трудно понять большие причуды новых русских, и уж тем более старых, десятилетиями стоявших у руля директоров наших промышленных гигантов, как господин Васильев. Но я вовсе не призываю избирателей голосовать против директора «Победы рабочих», если им по душе его заграничные чудачества, пусть придут и поддержат своего кумира, – добавил Гребенюк.

Его сменил рекламный ролик общественно-политического движения «Родина».

– Борис Иванович, я записал всю передачу на видеомэгнитофон, – сразу же напомнил о себе Завадский. – При желании можно будет привлечь телевизионщиков к ответственности за вторжение в частную жизнь. Вы ведь не давали сво-

его согласия на показ?

– Меня об этом никто не спрашивал, – горько усмехнулся Васильев. – Что делать-то будем, консультант?

– Главное не паниковать! Во-первых, далеко не все ваши потенциальные избиратели эту программу видели, а во-вторых, с учетом нашего российского менталитета, вы не так уж и плохо в этом ролике смотрелись, прямо Савва Мамонтов наших дней. Честно говоря, я ожидал более пикантных сцен. Что-то вроде амурных походов генпрокурора Скуратова или ведущего «Итогов» Евгения Киселева, – умел Виктор Маркович утешить.

– Да не было у них больше ничего, – оборвал Васильев. – Показали все, что могли.

– А как же юная стрекоза с браслетом на руке, все время вытиравшая вам пот?

– Стрекоза была, но без интимных подробностей. Интересно, как этот ушлый студент узнал, что я в депутаты баллотируюсь?

– Наверное, через Интернет, ввел в качестве ключевого слова вашу фамилию – и получил кучу ссылок на газетные публикации. А дальше – дело техники.

– Интересно, сколько ему за это отвалил Гребенюк?

– Если считать его полным дилетантом, то думаю, от силы тысячу баксов.

– Я бы дал больше, – вспомнив жаркую турецкую ночь, сухо произнес Борис Иванович. Кто бы знал, как хотелось

ему сейчас посмотреть всю пленку целиком, где они с Таней все время были вдвоем. – Ладно, Виктор Маркович, приезжай завтра с утра, поговорим на свежую голову, как дальше жить.

Завадский явился ни свет, ни заря – в половине восьмого утра – видно совсем плохо у Виктора Марковича с финансами, не зря говорят, что аппетит приходит во время еды, или решил действовать по поговорке, куй железо, пока горячо.

– Я на заводе рабочим задолженность по зарплате за два месяца погасил, чтобы с хорошим настроением на выборы шли, а теперь, что делать? – наливая коньяк, рассуждал вслух Васильев. – Может снять мне свою кандидатуру, да и бросить все эти выборы на хрен?

– Это проще всего, – Завадский не скрывал своего волнения. Это было явно не в его интересах.

– А что делать будем, Виктор Маркович, после такой пленки?

– Работать, Борис Иванович, работать. Мы и в более трудных ситуациях выходили победителями. Помнится, на прошлых выборах соперником моего клиента был начальник РОВД, полковник милиции. Выслугу он уже заработал и в случае победы на выборах собирался уйти на пенсию. Так вот на встречах с избирателями он моего клиента буквально прессовал, все его листовки срывал, а в день голосования расставил своих коллег в погонах на всех избирательных участках... А выборы все равно проиграл! – разговорил-

ся Завадский. — Я — человек серьезный, и, если бы не был профессионалом в предвыборных технологиях, то девяносто девять процентов победы никогда никому не обещал. Но вы и сами, наверное, понимаете, что цена положительного решения нашего вопроса с учетом непредусмотренных ранее обстоятельств, теперь возрастает вдвое. И если в сталинском Советском Союзе все решали кадры, то у нас все решают деньги.

— Я согласен.

Рассчитавшись с Виктором Марковичем, Васильев все равно никак не мог поверить, что за несколько оставшихся до голосования дней можно переломить ситуацию коренным образом. Однако по поступающей от своих доверенных лиц информации с интересом узнал, что в каждом многоквартирном доме по принципу сетевого маркетинга из пенсионеров-активистов создаются общественные штабы в его поддержку. И эти старики-пилигримы, как бы проявляя заботу о своих престарелых соседях, разносят по квартирам сетки с продуктовыми наборами и его предвыборные программки. А не ходячие соседи в свою очередь пишут заявления, чтобы в день выборов о них не забыли, пришли с урной для голосования на дом.

А вскоре в почтовых ящиках избиратели обнаружили газетку под названием «Без ханжества», где на первой странице действующий депутат Гребенюк вкупе с другими скандальными политиками выступал с предложением легализа-

ции публичных домов! Весь разворот был заполнен непристойными фотографиями и перепечатками статей в защиту нетрадиционного секса и однополых браков. На последней странице – реклама фирм, предлагающих сексуальные услуги!

Но только узнавший о существовании такой газетенки кандидат в депутаты Гребенюк успел накатать жалобу в прокуратуру, как буквально на следующий день обнаружил на бампере своей «Ауди» привязанную гранату РГД! Даже не посмотрев, что это за граната – не зря говорят, что у страха глаза велики – перепуганный подполковник кинулся за помощью в ФСБ. Район оцепила милиция, вызвали саперов, понаехало телевизионщиков, как собак нерезаных. А граната оказалась учебной – и в порыве разочарования, все шишки посыпались на Гребенюка, которого в СМИ окрестили мелким провокатором.

Завуч средней школы Поленовой выпала участь не легче. Родители двух десятиклассников, претендующих на золотые медали, обвинили Нину Петровну во взяточничестве. По данному факту было тут же возбуждено уголовное дело и началось долгое, так ничего толком и не выяснившее, следствие. А сама завуч тем временем слегла на больничную койку с гипертоническим кризом.

Турецкая ночь Васильева как-то отошла на второй план. О телепередаче, если и вспоминали, то уже не с осуждением, а с гордостью за Бориса Ивановича, особенно в среде дворо-

вых алкоголиков. В день голосования они с утра пораньше все, как один, дружно потянулись на избирательные участки, после которых их, как выяснилось, ждала щедрая бесплатная выпивка. Вместе с ними туда же явились десятки общественных наблюдателей-студентов, которые ненавязчиво помогали голосующим определиться с выбором в пользу известного хозяйственника и простого русского мужика Бориса Ивановича Васильева, которому ни при коммунистах, ни при демократах не было и нет никакого житься.

Как и обещал Завадский, на выборах Васильев набрал пятьдесят два процента голосов, что и обеспечило ему победу. Подполковник Гребенюк набрал тринадцать процентов, завуч средней школы Поленова – десять, Галкин – пять. Оставшиеся двадцать процентов, как и везде по стране, получил кандидат – «против всех».

Все отлично

1

– Добрый день! Меня зовут Андрей. Я представляю журнал «Наш регион», – заученно тараторил я в телефонную трубку. – Подскажите, с кем можно пообщаться по вопросу размещения информации в журнале?

– Если насчет рекламы – у нас денег нет, – ответил мужской бас и послышались короткие гудки.

Я поставил в клиентской базе дату звонка, а в графе «результат переговоров» написал лаконичное: «нет денег».

Дальше шло ООО «Новостройка». Контактное лицо – Арсен Алиевич.

– Добрый день! Это ООО «Новостройка»? Мне бы Арсена Алиевича...

– Он на объекте...

– Извините, как я могу к вам обращаться?

– Светлана.

– Светлана, меня зовут Андрей. Я представляю журнал «Наш регион». Подскажите, пожалуйста, когда можно перезвонить Арсену Алиевичу?

– Лучше во второй половине дня...

– Отлично! Я обязательно позвоню.

Телефон компании «Строитель-плюс» молчал, как утоп-

ленник. До ООО «Стройка» было не дозвониться из-за постоянной занятости. Набрал номер строительной фирмы «Аспект»:

– Добрый день! Меня зовут Андрей. Я представляю журнал «Наш регион»... Подскажите, с кем я могу пообщаться по вопросу сотрудничества...

– Смотря насчет чего?

– Извините, как вас зовут?

– Сергей Геннадьевич...

– Сергей Геннадьевич, вы знакомы с журналом «Наш регион»?

– Нет!

– Это упущение с нашей стороны. Нужно срочно исправить ситуацию. Давайте я подъеду к вам в удобное время и познакомлю с журналом... Много времени не займу!

– Не, лучше не надо!

Забиваю в базу «сотрудничать не хотят». Звоню дальше:

– Добрый день! Это компания «Стройартель»? Меня зовут Андрей...

– Андрей, пивка попей! – смеются на другом конце и бросают трубку.

Пишу «бросили трубку» и иду курить. На улицу. Но не как раньше на крыльцо, а в соответствии с последними веяниями депутатского законотворчества встаю в нескольких метрах от входа в здание.

День явно не задался. Из тридцати телефонных выстре-

лов – все мимо цели. Если так и дальше пойдет, то в следующем месяце мне придется сосать лапу. Правильно Коля Буров, наш водитель, сказал, что мне подсунули «мертвую базу». На ней и работавшие до меня менеджеры едва концы с концами сводили. А я что, гениальнее других? Но нет худа без добра: по звонкам дневной план обеспечен – 70 «алёков» я сделаю шутя.

– Привет, Андрей! – окликает меня Вера Стрижова, самая симпатичная из коллег по рекламному бизнесу. На ней яркая желтая курточка, длинный шарф, повязанный на французский манер, смешная черная шапочка с крохотными ушками. Вера модница от корней волос. Каждый день на ней что-нибудь оригинальное, тренд сезона, последний писк моды. Сегодня это высокие замшевые сапоги с мягко закругленным носком и пряжками у голенища. От изящной обуви, а честно говоря, ножек девушки трудно оторвать взгляд.

– Привет, Вер! Чего припозднилась?

– В банк «Северный» на встречу с клиентом моталась...

– Успешно?

– Уломала на целую полосу! Мне на днях сорока на хвосте принесла, что «Северный» предлагает новую линейку вкладов для физических лиц, ну я как умная Маша и позвонила в банк. Говорю, народ хочет знать правду о новых депозитах. Договорились о встрече. Я с утра пораньше и покатила. Хороший дядька попался, армянин. – Юля достала визитную карточку. – Во! Артур Тигранович Арутюнян. Культурный

такой, обходительный. Кофе меня угощал, коньяку предлагал, но я отказалась. Говорю: «На работе не пью». Сигареткой угостишь?

– Так прямо и спросила?

– Чего спросила?

– Ну, не угостит ли сигареткой? – прикалывался я.

– Дундук! Про сигаретку я у тебя спросила!

Прикурив и изящно выпустив дым, Вера поинтересовалась:

– Как там Берта? Не лютует?

– Пока не цепляется. Тебя ждет. Я ведь с утра, как раб на галерах, не слезаю с телефона. Первый раз подымить вышел.

Бертой мы зовем начальницу отдела Беллу Валерьевну Гарцеву, дамочку бальзаковского возраста, не позволяющую нам расслабляться. Едва в офисе зависнет тишина, как эта мегера своим противным голоском спрашивает: «Чего не звоним?»

– Коммерческое предложение составляю, – леплю я первое, что приходит в голову.

– Кому? Зачем? Почему не знаю? – не унимается Берта и, встав позади, пялится в мой монитор.

Держать всё и всех под контролем – главный принцип ее работы, за что Белла Валерьевна и схлопотала кличку немецкой овчарки. Еще до нашего с Верой трудоустройства.

– Андрей, тебе звонили из турагентства «Путешествен-

ник», – сообщает Берта, пока я как джентльмен помогаю Вере снять курточку.

– И что сказали?

– Чтобы ты перезвонил.

– Отлично!

«Путешественник» возглавляет мой одноклассник Володя Мазурин, и у меня на него далеко идущие планы. А конкретно: расколоть приятеля на рекламу. Рекламные модули «Путешественника» выходят во всех газетах, почему бы не отметить в «Нашем регионе»? Восемь тысяч за треть полосы для Володи смешные деньги, а мне процент. А если удастся раскрутить Мазурика на полосу – еще и премия.

– Владимира Сергеевича, можно? – набираю я номер «Путешественника».

– Владимир Сергеевич уехал в департамент культуры, позвоните завтра.

– Ладно, позвоню.

«Интересно, что он хотел? Решил уточнить детали в предложении о сотрудничестве? Может, звякнуть ему на сотовый? – размышлял я. – Хотя не будем опережать события. Завтра не за горами. Было бы чего ждать!»

Устроившись за компьютер, я открываю свою клиентскую базу и, как начинающий реаниматолог пытаюсь вернуть «мертвецов» к жизни:

– Добрый день! Меня зовут Андрей. Я представляю журнал «Наш регион». Подскажите, с кем я могу пообщаться

по вопросу сотрудничества?

2

Главный редактор журнала пригласила меня на собеседование к девяти утра, а я приперся в половине девятого. Решил подстраховаться, чтобы не опоздать. И полчаса скучал, сидя на подоконнике в коридоре огромного офисного здания.

В давние советские времена здесь размещалась проектно-сметная организация, остатки которой до сих пор пылятся на последнем этаже. Все остальные помещения сдаются в аренду разным ООО и ИП. Чего в них только не предлагают: пластиковые окна, натяжные потолки, остекление балконов, установку стальных дверей. Даже организуют бесплатные консультации по вопросам с недвижимостью. Короче, за один визит в здесь можно договориться не только о капитальном ремонте квартиры, но и о ее продаже. И все, как обещают красочные биллборды, с беспроцентной рассрочкой, скидками и железной гарантией качества.

Объявление о том, что журналу «Наш регион» требуется менеджер по рекламе, я нашел в интернете. Понравилась зарплата в 17 тысяч рублей, обещание ежемесячных, ежеквартальных и годовых премий, соц пакет и устройство по трудовому кодексу. «Работа для тех, кто ценит стабильность и ищет карьерного и материального роста, – говори-

лось в объявлении. – Офис в центре города, заработная плата три раза в месяц». Казалось, лучше не придумать! От претендентов требовалось хорошее владение компьютером, грамотная речь, аккуратность, настойчивость. Еще чувство ответственности и умение работать в команде. Но это уже для красного словца.

Полгода я стоял на учете в центре занятости населения, но так и не поймал ни одного подходящего предложения. С регулярностью два раза в месяц я приходил на биржу в строго назначенный час, чтобы всего лишь поставить отметку в личной карточке и получить несколько новых вакансий. Как прошедшему армию, чаще всего мне предлагали работу охранником.

«У нас треть трудоспособного мужского населения в стране что-то охраняет, – втолковывала мне круглолицая, с усиками сотрудница центра со странной фамилией Монд. – Никто не желает заниматься производством. Все хотят торговать и руководить».

На бейдже у Людмилы Евгеньевны так и было написано: «Л. Е. МОНД», что ассоциировалось с французской газетой «Le Monde». И меня постоянно подмывало спросить, о чем пишет французская пресса? Но я молчал. И получив распечатку с адресами, где требовалась рабочая сила, отправлялся в поход по предприятиям, чтобы выклянчить отметку, что я им не подхожу. Из-за отсутствия опыта. Не дурак же я круглые сутки сидеть в вагончике-бытовке за восемь тысяч руб-

лей, охраняя стройку от бомжей и подростков!

И тут замаячили эти 17 тысяч, для получения которых требовалось всего лишь желание работать и зарабатывать! Обязанности не сложные: обработка клиентов по существующей базе, проведение переговоров, согласование рекламы, контроль дебиторской задолженности. И хотя я толком не понимал, что такое «дебиторская задолженность», мне понравилось словосочетание «обработка клиентов». Обработаем так, что мало не покажется.

Главный редактор «Нашего региона» – высокая молодая женщина в норковой шубе явилась без пятнадцати десять, когда я уже два раза убил в себе желание свалить. Здание ожило, заполнилось снующими по коридору сотрудниками и посетителями – и я чувствовал себя лишним.

– Илона Борисовна, добрый день! – окликнул я проплывающую норковую шубу. – А я к вам на собеседование. Андрей Кузнецов.

– Да, помню, вы звонили, – смерив меня холодным, отпущенным взглядом, ответила женщина. Открыла ключом дверь. – Подождите минуточку.

Минуточка вылилась в десять. Стоя возле двери, я слушал, как Илона Борисовна уговаривала по телефону какую-то Свету, чтобы та соединила ее с Михаилом Сергеевичем. Не добившись своего, стала звонить Ашоту Теймуразовичу, упрекая его в том, что он опять не сдержал слова и деньги на счет не поступили. А потом неожиданно откры-

ла дверь и сказала:

– Заходите!

Кабинет главного редактора оказался небольшим, без модных нынче причиндалов: герба, флага и портрета президента. На оклеенных стильными обоями стенах иконостас из дипломов и благодарственных писем. И еще масса плакатов с разными умными изречениями, вроде: «Успешный бизнес – это всегда деньги вперед, что хорошо описано у Ильфа и Петрова: «А можно утром стулья, а вечером деньги?» – «Да, но только деньги вперед». Или еще: «Секрет успеха в жизни состоит для человека в том, чтобы быть готовым воспользоваться удобным случаем, когда он придет. Бенджамин Дизраэли». Я понятия не имел, кто такой Бенджамин Дизраэли, но мысль мне понравилась. По крайней мере лучше, чем избитое: «Говори кратко. Проси мало. Уходи быстро!»

– Андрей, я вас слушаю, – оторвавшись от ноутбука, улыбнулась Илона Борисовна.

– Я пришел насчет работы менеджером по рекламе, – ненавидя свой скрипучий, как телега голос, заговорил я. – Я звонил вам по телефону...

– Значит, менеджером по рекламе, – всё ещё думая о чём-то своём, повторила начальница и переключилась на меня. – Хорошо. Надеюсь, вы представляете, чем придется заниматься?

– Приблизительно...

– А заниматься вам придется поиском рекламодателей для журнала. Причем, изо дня в день. Из месяца в месяц. С утра до вечера! А это не легкая задача даже для опытных сотрудников, поработавших в СМИ. Но попытка, как говорил товарищ Берия, еще не пытка. Надеюсь, что с компьютером вы в дружеских отношениях? Все остальное будет зависеть от вашей усидчивости, настойчивости и желания работать. За красивые глазки деньги не платят. Мы не благотворительная организация. Будет результат – будет зарплата. Ясно говорю? Берите анкету и отвечайте на вопросы.

– Тут четыре страницы!

– А мы никуда не спешим. Ручка есть?

– Есть.

– Тогда вперед!

«Стаж работы по специальности рекламный менеджер», – первое, на чём я споткнулся, ответив на вопросы, связанные с возрастом, местом жительства и образованием. Спросил:

– А если нет стажа – ставить прочерк?

– Зачем «прочерк»? Так и пишите: стажа работы нет.

«Ваш среднемесячный доход за последние три месяца работы?» Для приличия я написал: «4900 рублей». Кажется таким должно быть пособие по безработице, хотя мне столько ни разу не платили. Но кто станет проверять?

«На какую зарплату претендуете: минимум, максимум?» «Мало напишешь, столько и дадут, – размышлял я. – Много – скажут, раскатал губы!» Написал минимум – 17 тысяч.

Максимум – 35. В конце концов, меня не на помойке нашли, чтобы себя недооценивать.

«Как вы относитесь к тому, что вашу работу будут тщательно контролировать?» – «Без комплексов». «Что бы вас могло заставить продлить рабочий день?» – «Производственная необходимость». «Если вы опаздываете на работу, ваши действия?» – «Я никогда никуда не опаздываю». «Чем занимаетесь в свободное время?» – «Хожу в спортзал, на концерты, тусуюсь с друзьями». «Что вам необходимо для эффективной работы?» – «Компьютер и телефон».

Но это были еще цветочки, с третьей страницы начались ягодки. «Почему нам стоит принять вас на работу?» У меня как-то сразу вспотел лоб и одна капля свалилась прямо на анкету. Я полез в карман за носовым платком и с ужасом увидел на полу следы от своих ботинок. И это после того, что я без малого час просидел на подоконнике!

Что же умного все-таки написать? И я выдал: «Очень трудолюбивый и добросовестный человек, какие сегодня редкость». Следующий вопрос: «Чем вы больше всего гордитесь в жизни?» – «Родителями и армейской службой», – написал я. Все правильно, где наша не пропадала?

Читаю дальше: «Укажите пять своих положительных качеств». Да запросто: «Честный, справедливый, ответственный, общительный, работоспособный». «Укажите три присущих вам отрицательных качества». Это сложнее, но не смертельно: «Недовольство собой, упрямство, куре-

ние».

Последний вопрос: «Тот, кто добросовестно работает, помимо зарплаты получает дополнительное вознаграждение, повышенную зарплату, новую должность. Что бы предпочли лично вы?» – «Повышенную зарплату».

– Все! – я протянул Илоне Борисовне заполненную анкету.

– Судя по почерку, вы, Андрей, обладаете хорошим вкусом и внутренней культурой, у вас большой запас внутренней энергии и силы воли. Да и орфографических ошибок практически нет. Вы нам подходите!

– Белла Валерьевна, зайдите ко мне, – нажав клавишу внутренней связи, произнесла редактор журнала. – Я представлю вам нового сотрудника.

3

– Так, Андрей, включай компьютер и открывай папку «Наш регион», – сходу взяла меня в оборот Белла Валерьевна. – Чай и кофе будем распивать попозже! А пока привыкай оценивать каждое своё действие по вкладу, который оно вносит в конечный результат. Определи самое важное в предстоящей работе. С него и начинай, отдавая лучшее время и силы. Что для тебя сейчас самое важное?

– Не знаю...

– Самое важное для тебя оживить клиентскую базу, с ко-

торой работала твоя предшественница. Находим папку «рекламные менеджеры». Файл называется «Людмила». Можешь его переименовать в «Андрей». Это твоя клиентская база! Смотри, возле названия каждой организации указан ее адрес, контактное лицо, номера телефонов. Твоя задача – всех прозвонить и договориться о сотрудничестве.

– А если они пошлют меня подальше?

– Так и напишешь «послали подальше». Идем дальше. Чтобы не изобретать велосипед и не пороть отсебятину, для общения с клиентами у нас разработана собственная методика. Прочитай, а лучше выучи наизусть, как таблицу умножения. Еще есть вопросы? Нет. Тогда, чего сидим?!

В первый день я прозвонил 63 организации. Раз десять, услышав «Добрый день! Меня зовут Андрей. Я представляю журнал «Наш регион», мои собеседники бросали трубку. Раз тридцать меня все же выслушали, но до сотрудничества дело не дошло. И только в четырех случаях на той стороне трубки согласись на встречу.

Так что второй рабочий день у меня прошел в разъездах. Внимательно изучив адреса организаций, мы с водителем выбрали самый оптимальный маршрут.

– От этих встреч толку, как от козла молока, – скептически заметил Коля Буров. – Одни расходы на бензин.

– Нет, лучше штаны в офисе протирать, – услышав наш разговор, встряла Белла Валерьевна. – Езжайте! И чтобы к двум часам вернулись! У меня тоже встреча с клиентом.

Я утрамбовал в портфель несколько журналов, прайс, распечатку организаций, и мы с водителем двинули в путь. Ехать пришлось на окраину города, где на бывших производственных площадях завода «Мир» получили прописку с десятков строительных фирм и организаций.

С первой из списка не повезло. Директора ООО «Стройзапас», с которым я договаривался о встрече, на месте не оказалось, а с начальником производства разговор не сложился. Эльхан Саидмурадович без интереса полистал журнал и, не дослушав до конца мою презентацию, спросил:

– Так будем заказывать бетон или нет?

Как выяснилось, «Стройзапас» занимался доставкой бетона и пенобетонных блоков собственного производства до строительных объектов, а мы с генеральным просто не поняли друг друга, потому что каждый думал о своем.

Фирма «Лесной дом» находилась неподалеку от «Стройзапаса» и представляла собой большой металлический ангар со стройматериалами. В нем оптом и в розницу продавали пиломатериалы, вагонку, доску для пола, рейку, тут же изготавливали ящики и другую деревянную тару. Директором оказался приветливый молодой человек с копной рыжих волос. Сергей, как он представился, внимательно ознакомился с журналом, словно это был «Огонёк», а не рекламно-информационное издание, посмотрел расценки и обещал подумать.

– Совсем туго с деньгами, – признался Сергей. – Но ре-

клама нам нужна. Сами видите: ни одного клиента!

– Реклама – двигатель торговли, – с умным видом, заметил я.

Мы пожали друг другу руки и разбежались.

Чтобы добраться до строительной компании «Арсенал» пришлось полчаса пилить по окружной дороге, а там еще минут десять трястись по козьим тропам. Но уже то, что ООО располагалось в двухэтажном кирпичном здании, вселяло оптимизм. Все-таки не шарашкина контора. Но я ошибался. Внутри «Арсенал» был похож на заброшенную совхозную контору прошлого века: облезлые стены, железные двери и две мигающих люминесцентных лампы на весь коридор. Я дернулся в одну дверь – заперто. В другую – заперто. Поднялся по разбитой, в выбоинах лестнице на второй этаж и пошел на доносившиеся в конце здания голоса.

– Добрый день! – нарушил я беспечную болтовню двух молодых сотрудниц. – Мне бы Василия Васильевича Сорокина,

– Его нет! – встрепелась одна из девушек. – А вы по какому вопросу?

– По вопросу сотрудничества. Мы с Василием Васильевичем договаривались о встрече на 12 часов, – я машинально взглянул на часы – было без пяти двенадцать. – У нас для вашей компании есть много интересных предложений!

– Василь Василич нам ничего не говорил, – услышав про много интересных предложений, засуетилась девица. Зна-

ла бы она, что у меня конкретно за предложения, пыл у нее, наверняка, поостыл. – А давайте позвоним ему на сотовый?

– Давайте.

– Как вас представить, – девушка вынула из сумочки новенький смартфон.

– Андрей Кузнецов. Журнал «Наш регион».

– Василь Василич, тут к вам приехал корреспондент из журнала. Андрей Кузнецов. Ага. Говорит, что договаривался с вами о встрече... Что?

– Пусть подождет, – раздалось в трубке.

– Василь Василич сейчас подъедет, – с интересом посмотрела на меня девушка. – Может, пока чайку выпьете или кофе?

– От кофе не откажусь, – улыбнулся я.

Здесь знали толк в кофе. Принесли банку растворимого «Якобс Монарх» и вазочку с шоколадными конфетами.

– Угощайтесь!

Минут через десять появился и директор – коренастый мужичок лет пятидесяти, с мясистым лицом и короткой спортивной стрижкой. В расстегнутой курточке, простеньком пиджаке и черном, советских времен, галстуке, он был совсем не похож на директора. Столкнувшись с ним в коридоре, я бы скорее принял его за директорского шофера.

– Здравствуйте! – Сорокин крепко пожал мне руку, провел в свой кабинет и закрыл дверь. – Присаживайтесь! Извините, я как-то запамятовал, вы у нас откуда будете?

– Журнал «Наш регион», Андрей Кузнецов, менеджер по рекламе. У нас для вашей компании есть интересные предложения, много времени я не займу.

Лицо у директора обмякло, интерес в глазах пропал, он машинально поправил лежащую на столе папку с документами.

– Любопытно, почему вы выбрали нашу организацию?

– Название «Арсенал» вдохновило, – бессовестно заливал я, доставая из портфеля журнал. – Что значит арсенал? Склад оружия, надежный запас. В Англии такое название носит известный футбольный клуб. А мы могли бы рассказать на страницах журнала о вашем «Арсенале», что наверняка скажется на росте числа ваших клиентов – у журнала тираж двадцать пять тысяч экземпляров...

– Думаете, что организация, занимающееся дорожным строительством и прокладкой коммунальных сетей заинтересует читателей и они кинутся к нам с распростертыми объятьями? – ухмыльнулся директор.

– А почему бы и нет? – не сдавался я. Перед поездкой я немного пошарил в интернете и знал, что директор был недавно удостоен почетной грамоты губернатора области. – Ведь вы не будете отрицать, что прошлой зимой «Арсенал», в считанные дни заменивший гнилую теплотрассу в поселке Заречье, спас жителей от замерзания! Про вас писали все областные газеты.

– Писали, – согласился Сорокин. – В одной – мою фами-

лию через «а» нафигачили – Сарокин, в другой – отчество переврали. Вместо Васильевича Вадимовичем назвали!

– Но мы-то правильно напишем, как вы скажите, и сверстаный материал пришлем на сверку, – откровенно говоря, мне нравился этот дядька, простодушный, без понтов. И я понимал, что, если не смогу уговорить его на рекламу, то о других нечего и заикаться. – Журнал рассчитан на широкий круг читателей, но его просматривает губернатор, директора департаментов, мэр города, депутаты областной думы. А все потому, что «Наш регион» пишет объективно, правдиво, понятным людям языком.

– Хорошо. Скажите, Андрей, сколько будет стоить публикация самой маленькой заметки?

– Пол-полосы – 10 тысяч рублей.

– Не, столько нам не потянуть! Давайте на четверть странички...

В стоящую в списке последней – строительную компанию «Монтажник» я летел, как на крыльях. Мне казалось, что теперь, набравшись опыта, я сверну горы. Но директора ООО, занимающегося ремонтом пластиковых окон, балконов и лоджий, их утеплением и устранением промерзания, не оказалось на месте. Геннадий Петрович укатил на обед, а без него никто ничего слушать не хотел.

Ценой невероятных усилий мне удалось всучить секретарше наш журнал и продиктовать номер моего сотового телефона, который она записала в перекидной календарь.

Можно было представить, сколько мытарств и нервотрепки приходилось испытывать клиентам «Монтажника», решившим вдруг отремонтировать окна или утеплить балкон.

4

Свою «мертвую базу» я решил расширять за счет предприятий оптово-розничной торговли, складов и магазинов. На такую мелочёвку я пошел потому, что ею все равно никто не занимался. А мне казалось, что раскрутить малый бизнес на небольшие деньги, легче чем крупный – на большие.

Я даже не стал выписывать адреса индивидуальных предпринимателей, а прямо двинул в один из торгово-развлекательных центров города. Весь первый этаж здесь занимал супермаркет известной сети продовольственных магазинов. Второй этаж был поинтересней. Но продавцы обуви, мужской и женской одежды, дорогих шуб, кроссовок все равно скучали в своих тесных закутках. И я даже не стал к ним подходить – продавцы ничего не решают, а хозяев нет.

В ювелирном салоне о рекламе не стали даже разговаривать, и угрожающего вида охранник культурно попросил меня на выход. Не заинтересовал недорогой рекламный модуль в журнале ни ООО «Цветик-семицветик», реализующий семена овощных и цветочных культур, ни ИП «Точное время», ведущее продажу, сервисное обслуживание и ремонт отечественных и импортных часов. Всем были нужны клиенты,

покупатели, а не реклама в журнале, который они впервые видели в глаза.

Я как-то потихоньку заскучал и, чтобы окончательно не испортить себе настроение, позвонил в турфирму «Путешественник». Володя Мазурин все еще оставался моей надеждой, которая умирает последней:

– Добрый день! Владимира Сергеевича можно?

– Он разговаривает с Москвой, перезвоните позже!

«С Москвой он разговаривает, – злился я. – А с бывшим одноклассником поговорить некогда. Друг называется. Ладно, перезвоним!»

Возвращаться в офис не хотелось. И из торгово-развлекательного центра я решил пройти по муниципальному рынку с его небольшими частными магазинчиками, авось подвернется что-нибудь дельное. Ну, не тащить же журналы домой?

В администрации рынка меня встретили без восторга:

– Подскажите, с кем можно пообщаться по вопросу сотрудничества, – включил я давно заезженную пластинку.

– Ни с кем, – отрезал смурной охранник. – Директор в мэрии, бухгалтер на больничном. Приходите завтра.

– Отлично!

Я еще раз набрал номер «Путешественника»:

– Владимир Сергеевич, добрый день! Это Андрей Кузнецов беспокоит из «Нашего региона». Как там дела с коммерческим предложением?

– Нормально.

– Тогда я сейчас подъеду – подпишем договор?

– Шустрый ты, Андрюха, как веник. Ведь прекрасно знаешь, что всей рекламой у нас заправляет главный бухгалтер Ольга Сергеевна. Твой факс у нее на столе. Так что как только – так сразу. Позвони в пятницу. Нет, лучше в понедельник, во второй половине дня.

– Ловлю на слове. До связи!

– Пока-пока!

Я понял, что меня динамят. Но неприятнее всего было сознавать, что динамит не какой-то там Василий Алибабаевич, а мой бывший одноклассник Вовка Мазурин.

И тут в витрине конфетной лавки я увидел своего старого знакомого – шоколадный батончик «Марс» и решил зайти подкрепиться. Ничто так не поднимает настроение, как шоколад.

Продавцом в магазинчике, витрины которого снизу доверху были заставлены красочными коробками конфет, банками импортного кофе и чая, был мужчина лет сорока пяти, круглолицый, лысоватый, в аккуратной белой сорочке – и я догадался, что это хозяин точки. Мне повезло. Было кому всучить парочку номеров «Нашего региона».

Пока я блуждал глазами по всему этому кондитерскому великолепию в поисках «Марса», хозяин лавки с улыбкой поинтересовался:

– Может, что-то подсказать? Для подарка девушке есть

роскошный набор шоколадных конфет, осталась последняя коробочка. Всего 250 рублей!

– Как-нибудь в другой раз, сегодня не заработал. Ограничусь батончиком «Марс».

– Не заработали 250 рублей? Странно, – удивился мужчина. – Кем же, если не секрет, вы трудитесь?

– Не секрет! – я достал из портфеля «Наш регион». – Менеджером в журнале.

– Любопытно, – продавец с подчеркнутой аккуратностью взял журнал в свои пухленькие руки с коротко постриженными ноготками. – О чем пишете?

– О крупном и малом бизнесе, успешных предпринимателях... Не желаете в следующем номере опубликоваться?

– А у нас есть успешные предприниматели? – листая страницы, хохотнул собеседник.

– Как видите.

– Но тут одна реклама!

– Делать деньги без рекламы может только монетный двор, – блеснул я позаимствованной из интернета мыслью.

– Тогда, к сожалению, на нашем рынке нет успешных предпринимателей, – возвращая журнал, заметил конфетный коробейник.

– Возьмите, возьмите, это подарок, – опередил его я. – Но неужели на самом деле все так плохо? Вот вы же не пошли токарем на завод – конфетками торгуете, значит есть смысл?

– У меня старший брат в столице кондитерской фабрики.

кой рулит, глупо отказываться. А взять соседа Гурама, что в лучшие времена на рынке пять ларьков держал, сегодня до одного скатился. Крепким спиртным торговать запретили, пивом запретили, завтра запретят сигареты – вот и весь бизнес! А налоги давай, за свет плати, за аренду, за уборку мусора! У Гурама раньше пять девиц-продавиц работали, а теперь он сам себе и снабженец, и бухгалтер, и продавец. Что скрывать, смотается в ближайший гипермаркет, купит подсолнечного масла по тридцать рублей – продает по сорок. И так по всей стране, от Камчатки до Калининграда – никто ничего не выращивает, не производит, все только торгуют.

– Вам видней, – улыбнулся я.

– А что, разве не так?

5

До армии я учился на экономическом факультете, изучал основы рыночной экономики, финансовое планирование, бухгалтерский учет и аудит – и кое-какое, пусть и слабенькое, представление об источнике прибавочной стоимости получил. Мужик прав. Редко кто в малом бизнесе вкладывается в производство, большинство живет по старинке: «купил – продай». Я и сам этим немножко занимался, по мелочевке. Доставал кому-то нужные диски, программы, игры. Что в этом плохого? Знаешь, что однокурсник тащится от Милен Фармер, а где купить DVD с концертом не знает,

так почему бы на его лени не срубить чуток «бабок»?

Но куда чаще прямо с лекций нам приходилось срываться на всякие промоакции по раздаче листовок, буклетов, брошюр и прочих рекламных материалов. Там все отработано до мелочей: место, время, оплата. Обычно 100 рублей в час. За день можно заработать до 500. Во время выборов, если обивать пороги избирателей – 1000.

Доводилось мне принимать участие в проведении всяких уличных опросов, анкетировании, но там больше возни с анализом результатов и составлением отчетов, а деньги практически те же самые. Многие мои сокурсники подрабатывали во время каникул продавцами-консультантами в салонах связи, курьерами, расклейщиками рекламы, один даже устроился барменом в ночной клуб. Но без поддержки предков все равно не могли оплатить учебу.

Я тоже учился за счет родителей. Для них было смыслом жизни, чтобы я получил высшее образование. И не какое-нибудь, а экономическое. Они спали и видели меня банкиром или на худой конец – бухгалтером у отца на заводе. И я всеми правдами и неправдами старался оправдать их ожидания и надежды. Но финансовые аппетиты моих педагогов, особенно из ректората росли в разы быстрее, чем зарплата моих родителей, на шее у которых была еще и моя младшая сестра. Так что протянул я только до третьего курса, и с осенним призывом ушел в армию. И вот теперь, честно отдав долг Родине, у которой, кстати, ничего не занимал, я прикидываю,

что не плохо бы было восстановиться в вузе.

Мой бывший однокурсник Леха Матвеев, успешно защитивший диплом экономиста, встретив меня после дембеля, сразу потащил в кафе.

– Андрюха, сколько лет, сколько зим! – по-детски радовался он. – За эту встречу надо выпить! Нас ждут великие дела!

Честно говоря, я думал, что Матвеев уже трудится каким-нибудь большим начальником, но как выяснилось, обычным менеджером в какой-то левой компании, где штрафуют за опоздания и косяки.

– Я бы от них давно ушел, – вытирая нос кулаком, объяснял Леха. – Но куда? Молодежь на хорошие места не берут, а если и берут, так без официального оформления и платят копейки. Я в одной такой шаражкиной конторе за две недели на телефоне всего полторы тысячи получил. Опять же сам виноват, поверил в обещание больших денег, а надо было уже на второй день валить. Ладно, давай за встречу!

Чем дольше мы пили, тем больше мне Лёха не нравился.

– Андрюха, – хватал он меня за руку. – У меня вагон идей! Вдвоем мы горы свернем. Я все просчитал. Сейчас самая выгодная торгово-закупочная деятельность, связанная с удовольствием. Жрать-то ведь каждый день хочется. Представь, ты даешь в газету объявление: «Куплю оптом картофель с самовывозом» и указываешь свой телефон. А я даю объявление: «Продам картофель с доставкой» и пишу свой

номер. Через день мы утонем в предложениях картофеля. Быстренько систематизируем эту информацию и берем только самые выгодные предложения! Покупаем, скажем по червонцу за кг, продаем – по пятнашке. Разница в карман! И никакого риска: чуть что не стыкуется – всем спасибо, все свободны. И продавцы, и покупатели!

– Эту аферу ты и без меня можешь повернуть, – возразил я приятелю. – Я-то тебе зачем?

– Сейчас скажу, – Лёха снова крепко взял меня за руку. – Выпьем!

– Я пас!

– Тогда я один, – он опрокинул свой пластиковый стаканчик, морщась, зажевал колбасой. – Дело в том, что у меня нема золотого запаса.

– И у меня нема... Я ведь не по контракту служил...

– Потребительский кредит возьми! – наглед Лёха. – Да ты не ссы, через месяц вернём!

– А самому слабо взять?

– Мне, брат, не дадут, я в черном списке...

– Да, пошел ты, – оттолкнув руку приятеля, я направился к выходу.

– Эй! Ты, тварь! – услышал я в спину. – А платить кто будет?!

Открыв электронное письмо, я не поверил своим глазам:
«Уважаемый Андрей!

Имеем честь пригласить Вас на Осенний Бал, который пройдет в гостиничном комплексе «Северная Жемчужина», – говорилось в приглашении. – Вас ждет незабываемый вечер, живая музыка, дегустация черной икры и увлекательное шоу с красочными танцами и сюрпризами! В необычном дефиле выступят победительницы городского конкурса красавиц. Будем рады вас видеть! Начало мероприятия в 19.00».

Я перечитал написанное еще раз. Потом еще. И еще. Нет, это был не розыгрыш. Письмо прислала Надя Успенская, рекламный менеджер этой самой «Северной Жемчужины». Месяц назад я упорно пытался раскрутить отель на рекламу, звонил, отправлял коммерческие предложения – не получилось. Но мои позывные у Нади остались – и вот пожалуйста, прислала приглашение. Казалось бы, мелочь, а приятно. На всякий случай я позвонил Надежде, поинтересовался, во сколько лучше подходить.

Честно говоря, меня впервые приглашали на такую крутую тусовку. Я даже растерялся, не зная, в чем пойти. Все-таки светская вечеринка! Но ни смокинга, ни белой манишки, ни галстука-бабочки у меня все-равно не было, и я махнул рукой: пойду в чем есть.

Сел на маршрутку и покатыл в сторону «Северной Жемчужины», недавно построенной в центре города. Стоящую на набережной высотку было видно издалека, но я и пред-

ставить не мог, что все окружающее отель пространство уже оккупировали офисы банков, салонов связи, кафе, сувенирные лавки, цветочные и ювелирные магазинчики. Создавая приезжающим комфорт, они как насосом высасывали из них денежные знаки.

В огромном холле четырехзвездочного отеля уже тусовались журналисты. Со скучающих видом они листали гостиничные буклеты, косо поглядывая в сторону сервирующих фуршетный стол официантов. Время поджимало и молодые люди торопились завершить пирамиду из бокалов шампанского. Возле стеклянных ваз, заполненных черной икрой, высились горки из блинов. А с краю, как солдаты на параде ровными рядами стояли стопки с водкой.

Высокие гости, ради которых затевался весь этот праздник жизни, делали вид, что ничего не замечают – болтали, шутили, обменивались рукопожатиями. Главным среди приглашенных был, конечно, невысокий седовласый мужчина в двубортном черном смокинге с высовывающимся из нагрудного кармана шелковым платком в тон галстука-бабочки. Но больше всего запомнились его шикарные туфли из тонкой блестящей кожи. Местный Дон Карлеоне оказался заместителем председателя областной думы – именно ему было предоставлено право открыть Осенний Бал. И сразу, как в сказке про Золушку все закружилось в калейдоскопе огней, музыки и танцев. Победительницы городского конкурса красоты в шикарных белых платьях, все как одна вы-

сокие и стройные, парили по холлу, словно павы.

А потом публика как-то потихоньку стала смещаться в сторону каскада из бокалов с шампанским. Пирамида таяла на глазах, и мне пришлось проявить завидную ловкость, чтобы не прийти к шапочному разбору. Довольный жизнью, я не спеша потягивал игристый напиток, наблюдая как девушки-модели, сделав один-два глотка, небрежно оставляли фужеры на столе и уходили. На их месте тут же появлялись припозднившиеся джентльмены, которые, не чувствуя подвоха, подхватывали бокалы и угощали своих дам.

Заместитель председателя областной думы, сопровождаемый жгучим брюнетом, уже перешел к дегустации черной икры, уверенно размазывая ее по маленькому, с детскую ладоньку, блину. Для его свиты это был сигнал к штурму. Упитанные дяденьки и тетеньки, словно голодающие Поволжья, плотной стеной облепили фуршетный стол со всех сторон. И если дамы лениво баловались шампанским, то кавалеры сразу взялись за водку – и редко кто тормозил после первой стопки.

Чтобы не оказаться белой вороной, я тоже подтянулся к крепким напиткам. Махнул стопку и с чувством, с толком, с расстановкой, отведал черной икры, которую видел впервые в жизни. Водка пошла хорошо, хоть и говорят, что первая рюмка ударяет колом, зато вторая – и это точно – летит соколом. Бросил на тарелку бутерброд с копченой колбасой, пару шариков из сыра и оливок с болгарским перцем

на шпажках. Пирожков с мясом мне уже не досталось. Зато рядом с опустевшей икорницей нашел несколько визиток Икорного Дома – и по привычке сунул в карман.

По подиуму отработанной модельной походкой дефилировали городские красавицы, но публика, словно приклеенная, торчала у стола, ощипывая виноградные ветки и зачищая стол от канапе.

– Можно к вам? – присоседилась ко мне девушка с бокалом в одной руке и блокнотом – в другой. – Газета «Все для Вас»!

– Журнал «Наш регион», – отреагировал я, и мы рассмеялись.

Девушка была хорошенькая: небесной голубизны глаза, тонкий носик, чувственные губы. Одета интересно, со вкусом. И если бы не маленький блокнотик с шариковой ручкой, ни за что не подумаешь, что юное создание представляет здесь вторую древнейшую профессию. Стоящий рядом мужчина с пивным животиком сразу оживился, подхватил стопку и произнес тост:

– Вино в бокале надо пить, пока оно играет! А в жизни девочек любить – двух жизней не бывает!

Окинув стол, он бесцеремонно взял с моей тарелки бутерброд с колбасой, лишив меня закуски. Я пожалел, что не надкусил его, ведь никто не ожидал такого поворота? Придвинул тарелку с сырными шариками к себе, и чтобы не оказаться в дураках, махнул пару стопок водки про запас.

И тут ведущий пригласил всех собравшихся пройти в ресторан.

– Пошли! – тронул я за руку свою соседку.

– Но мы же пресса, – остановилась та.

– Пошли, говорю! – я был как лев решителен и смел.

Но перед входом в ресторан нас тормознули, попросили представиться.

– Андрей Кузнецов, журнал «Наш регион».

– Маша Степанова, «Все для Вас»...

– Проходите, пожалуйста! – так и не найдя наших фамилий в списке приглашенных, улыбнулась девушка-метрдотель. – Присаживайтесь пока за свободный столик под номером семь. Сейчас разберемся!

Как по мановению волшебной палочки тут же подлетела официантка:

– Что будем пить? Вино: красное, белое? Водка, коньяк, виски?

– Мне вина, – обрадовалась Маша.

– А мне водочки, – не устоял я.

Но не успели мы даже чокнуться, как снова выросла девушка-метрдотель:

– Извините, но ваших фамилий нет в списке гостей! Скорее всего вы были приглашены только на фуршетную часть в холле отеля!

– Простите, мы не знали, – покраснела Мария.

– Сейчас все допиваем и исчезаем! – согласился я.

Хорошая погода и принятый алкоголь располагали к продолжению вечера. Так что покинув «Северную жемчужину», мы с Машей свернули на набережную. Я нес полнейшую ахинею. Девушка смеялась. И наши звезды складывались в любовный гороскоп.

— С работы я стараюсь уходить позже всех, — объяснял я спутнице «школу молодого бойца». — Пока начальница парится в своем кабинете, я разгадываю кроссворды, общаюсь с «одноклассниками», играю в «сапера». Но стоит Илоне Борисовне сунуть нос в наш отдел, как я мгновенно грузу ее новыми коммерческими предложениями и предстоящими переговорами. Запомнить названия фирм она, естественно, не может. И ей не остается ничего другого, как только кивать головой и верить мне на слово. Так что часов до девяти утра я дрыхну без задних ног, неспешно завтракаю, топаю на ближайшую остановку и вызываю машину. Коля Буров, возможно, о чем-то догадывается, но молчит. Начальница велела — он поехал. В офис я попадаю к обеду — и сразу к компьютеру. Пока коллеги распивают чай, проверяю почту и изучаю гороскопы, чтобы знать, чего ждать от судьбы. Потом для прикола снимаю трубку и громко спрашиваю какого-нибудь несуществующего Рината Самигулловича или Хасанби Сафарбиевича — специально выучил.

– Круто! – восхищается Маша.

– Скромно перекусив, коллеги расползаются по местам, и тогда я заявляю, что у меня самого тоже с утра во рту маковой росинки не было – и отправляюсь в столовую. Война войной, а обед по расписанию. Он у нас с двенадцати до часу или с часу до двух. Это святое. Но если чувствую, что желания работать нет и вряд ли появится, заявляю, что иду на деловую встречу, а сам валю домой!

– Такого я не читала даже в интернете!

– Ты еще не видела моего рабочего стола, заваленного документами – я принципиально ничего не выбрасываю! Все храню: счета, договора, факсы. Бардак на рабочем столе – главный признак творческой личности! Запомни! А еще помимо ежедневника для планерок, у меня три приколотых на стену «поминальника»: на день, на неделю и на месяц.

За разговорами мы незаметно добрались до высотки, где жила Маша. Приставать к ней с поцелуями и напрашиваться на чай я не стал. Только номерок телефона забил в свой сотовый. Так что, если удастся заманить Машу в кино или на шашлыки, то все у нас получится! Самый надежный вариант потом смотаться с ней на выходные в соседний район. Сходить там в музей, посмотреть достопримечательности, бухнуть в ресторане и заночевать в гостинице.

Такой план я вынашивал на Веру Стрижову. Для реализации требовалось всего восемь тысяч рэ. Деньги не большие, но к тому времени, когда они появились, Вера уже уволи-

лась из нашей конторы. Поддалась на уговоры управляющего банком «Северный» Арутюняна, пообещавшего ей должность начальника отдела по связям с общественностью. Хотя знаем мы эти «связи».

А те восемь тысяч я сохранил, и если Маша не будет выпендриваться, то в ближайшие выходные мы с ней точно куда-нибудь махнем. Все утро я сгорал от нетерпения позвонить девушке, но в мои планы не входило услышать: «Перезвони, у меня на работе аврал!» Звонить надо к концу трудового дня. А пока я решил заняться делами и стал вписывать их в свой «поминальник».

Первое: составить и отправить коммерческое предложение для банка «Развитие» (после увольнения Стрижовой вся ее клиентская база перешла ко мне). Второе: позвонить в фирму «Арсенал» (ее генеральный директор Василь Васильич Сорокин звал меня похлестаться веничком в баньке. Отказываться не красиво!) Третье...

И тут я вспомнил о вчерашней вечеринке и полез в карман за визиткой. Золотой вязью по черному полю на ней было написано: «Волжский рыбоводный завод. Заместитель генерального директора, кандидат биологических наук Осетров Евгений Федорович». Говорящая фамилия!

Я позвонил, сказал, что был на дегустации черной икры в «Северной Жемчужине» и я хотел бы пообщаться с Евгением Федоровичем по вопросу размещения информации в журнале.

– Подъезжайте! – легко согласился собеседник. – Мой номер 512.

Я сказал Берте, что у меня горит реклама на полмиллиона. И через двадцать минут Коля Буров с шиком доставил меня к входу в отель. Но путь к лифту мне преградил коренастый охранник с нехорошим лицом. Пришлось звонить заместителю генерального в номер. Евгений Федорович сказал, что сейчас спустится. И через десять минут мне навстречу шел высокий жгучий брюнет, что вчера сопровождал заместителя председателя областной думы.

– Это ко мне, – громко, чтобы услышал охранник, объявил Осетров.

Но администратор отеля все равно потребовал у меня паспорт или редакционное удостоверение. Я предъявил и то и другое.

Евгений Федорович жил в одноместном люксе, показавшемся мне настолько огромным, что я не сразу понял, куда попал: в банкетный зал или картинную галерею. В центре стояла гигантская двухспальная кровать, ближе к окну – кожаный диван и кресло. На круглом стеклянном столике красовалась бутылка виски «Джек Дэниэлс», открытая банка черной икры и порезанный батон белого хлеба.

– Выпьешь? – спросил Евгений Федорович. И пока я размышлял над почти гамлетовским вопросом «пить или не пить», хозяин номера завершил фразу: – А я выпью. Для свежести головы!

– Да можно, конечно, – с позорной торопливостью согласился я.

– Тогда за знакомство! – опытной рукой кандидат биологических наук на четверть наполнил бокалы. Представил: – Евгений Федорович Осетров, заместитель генерального директора Волжского рыбоводного завода.

– Андрей Кузнецов – руководитель проектов журнала «Наш регион», – назвал я свою новую, после увольнения Стрижовой, должность, и мы чокнулись.

Глядя на мое покрасневшее после выпитого лицо, Евгений Федорович придвинул мне батон и банку с икрой.

– Не стесняйся, Андрей, закусывай!

Закуска была царская. Кому рассказать, как я столовой ложкой намазывал на хлеб черную икру – никто не поверит. Но это еще не все. Полистав журналы «Наш регион», которые я предусмотрительно притащил с собой, и узнав о ценах на рекламу, Евгений Федорович, сразу дал добро на шесть публикаций! Наши цены показались ему настолько смешными, что он легко согласился и на двухстороннюю плотную вклейку в середине журнала, и на дополнительное размещение визиток фирмы на самой дорогой второй странице издания.

Вот так легко, в непринужденной обстановке под виски с черной икрой, я заключил договор о намерениях почти на полмиллиона рублей! А если быть точным, на триста двадцать две тысячи, что сулило мне небывалый в жизни про-

цент и премиальные.

Когда я пришел в редакцию и похвастался Берте подписанной бумажкой, Белла Валерьевна изменилась в лице, словно обронила в унитаз обручальное кольцо.

– Андрей Геннадьевич, да у вас гипнотические способности, – заметила она, впервые назвав меня по отчеству. – Среди ваших родственников случайно не было колдунов и экстрасенсов?

– Были, Белла Валерьевна, – подыграл я. – Бабушка всегда говорила, кто Кузнецовых обидит – трех дней не проживет.

8

– Журнал «Наш регион»! – автоматом ответил я на телефонный звонок. После увольнения Веры Стрижовой мне приходилось отвечать за двоих. А сегодня – за троих. Берта, видимо, тоже решила рассчитаться. Время к обеду, в ее все нет.

– Андрей, зайдите ко мне! – звонила Илона Борисовна.

В кабинете главного редактора я надеялся увидеть Беллу Валерьевну, но её там не было.

– Андрей, у твоей непосредственной начальницы неприятности. Белла Валерьевна попала в ДТП!

– Но у нее же нет машины? – удивился я.

– Она сама умудрилась попасть под маршрутку! Я не знаю подробностей, но позвонили из городской больницы и сооб-

щили, что у нее осложненный перелом тазобедренной части и ушиб головного мозга.

–?!

– В связи с создавшейся ситуацией, назначаю тебя, Андрей, исполняющим обязанности начальника отдела рекламы.

– Но.. – попытался увернуться я от свалившейся на меня шапки Мономаха.

– Андрей, никаких «но»! – тон Илоны Борисовны не терпел возражений. – Распишись в приказе о назначении! Парень ты способный, старательный – справишься. Сегодня должны подойти двое новеньких менеджеров: Настя и Сергей. Настя до нас работала в рекламной газете, знает, что к чему – передашь ей клиентскую базу Веры Стрижовой. А Сергей раньше то ли кондиционерами торговал, то ли дверями – отдаешь ему «мертвую базу». Пусть реанимирует!

Новые рекламные менеджеры мне понравились. Особенно Анастасия – складная, хорошенькая, про каких обычно говорят, девочка модная – всегда голодная. Она выглядела моложе своих двадцати четырех. И если бы не запланированное с Машей randevu, то я не отказался бы съездить куда-нибудь и с Настей. Ведь рядом так много красивых городов.

Сергей тоже оказался парнем не промах. С первого дня он стал проявлять к Анастасии повышенный интерес, утром угощал испеченными мамой пирожками, вечером подавал пальто и провожал до автобусной остановки. На более се-

рзные знаки внимания у него еще не было денег. Как и особого рвения реанимировать «мертвую базу». Но зато у него была легкая ленинская картавость, которая действовала на клиентов, как красная тряпка на быков.

Закрыв глаза, иногда я представлял, как скоро разбогатею, и мы с Машей поедem не в какой-то райцентр, а прямо в Париж – город моей мечты! К осени я восстановлюсь в университете, а там, глядишь, возьму в кредит и куплю себе какую-нибудь иномарку...

Но прежде всего надо было забить наш дурацкий журнал рекламой. Хотя бы на половину. И тогда с интонацией Беллы Валерьевны я напоминал своим подчиненным:

– Коллеги, чего не звоним?

Молодежь мгновенно хваталась за телефоны, доставая меня своими до боли знакомыми монологами:

– Добрый день! Меня зовут Анастасия. Я представляю журнал «Наш регион». Подскажите, с кем можно пообщаться по вопросу размещения информации в журнале?

– Здраствуйте! Меня зовут Сергей! Как я могу к вам обращаться?

Почемучки

1

– Мальков, ты в какой ресторан ходил? – пристает Витька Бойцов.

– «Победа», – с важным видом отвечаю я.

– Что там ждал?

–обеда.

Ушедшие с головой в стенгазету Володька Виноградов и Катя Борисова невольно прислушиваются к нашему диалогу. А мы с Витькой, заметив их наострившиеся уши, рады стараться. Сто процентов, что они не слышали этой белиберды:

– А что случилось?

– Беда.

– Что-нибудь пропало?

– Еда!

– Ты плакал?

– Да.

– Как?

– А-а-а..., – хнычу я, закрывая лицо руками, чтобы не рассмеяться.

– Мальков, хватит дурачиться! – сквозь зубы цедит Катя с интонацией нашей классной. Я подмечаю, что они чем-то

похожи. Только Валентина Петровна – учительница. А Катька – шестиклассница. Русая до бровей челка и большие голубые глаза, как у куклы наследника Тутти из «Трех толстяков». Обе – и Валентина Петровна и Катька любят, чтобы все было по ихнему.

– Уж и пошутить нельзя, – уступаю я, зная, что Борисову не переспорить. Круглая отличница всегда настоит на своем. Но и натянуть маску обиженного Пьеро вряд ли получится. Попавшая в рот смешинка делает свое дело: чем больше я стараюсь подавить смех, тем сильнее хочется смеяться. С Витькой Бойцовым тоже самое. Нам достаточно переглянуться – и мы умираем от смеха.

– Кто сочинил Марш юных пионеров? – развернув сложенный пополам тетрадный листок, зачитывает Володя Виноградов.

Большелобый, с россыпью веснушек на щеках семиклассник выразительно смотрит в нашу сторону:

– Спрашиваю: кто сочинил Марш юных пионеров?

– В смысле? – поправляя пионерский галстук, уточняет Катя. Как и подобает прилежной ученице и председателю совета пионерского отряда, она и в библиотеку ходит в коричневой школьной форме с белым фартуком и алом галстуке. – Кто написал музыку или текст?

– Это вы про песню «Взвейтесь кострами, синие ночи»? – подает голос Генка Мальгин – второй после Виноградова всезнайка. – Я знаю. Ее написал поэт Александр Жаров.

Витька, кажется, знает все на свете. О чем бы ни заходил разговор, он тут как тут – маленький, удаленький, сквозь землю прошел, красну шапочку нашел. Это о нем, Генке Мальгине, нашем школьном вундеркинде, который, к сожалению, не вышел ростом.

– Точно? – переспрашивает Катя.

– Сейчас проверим, – Виноградов в начищенных до блеска ботинках сорок второго размера лихо топает к книжным стеллажам, и, как кирпич из кладки вытаскивает увесистый том Большой Советской Энциклопедии.

Пока он ходит туда-сюда, меня и Витьку Бойцова снова раздражает смех. Мы строим друг другу рожицы. И под занавес нашего маски-шоу, пользуясь воцарившейся тишиной, я выдаю:

– Кошка сдохла – хвост облез. Кто слово скажет – кошку съест!

Витька в приступе смеха складывается пополам

– Мальков! – Катя Борисова готова меня убить.

– Взвейтесь кострами, синие ночи! Мы – пионеры, дети рабочих... – запеваю я. – Близится эра светлых годов, клич пионеров – всегда будь готов!

– Леша, прекрати дурачиться! – Виноградов тупо листает энциклопедию. Какой-то он заторможенный. Я бы уже давно все нашел. Наконец-то, Володя подает голос: – Жаров Александр Алексеевич. Год рождения – 1904. Русский советский поэт. Марш пионеров «Взвейтесь кострами синие

ночи!» сочинил в соавторстве с пианистом Сергеем Дешкиным в 1922 году. Катя, пиши!

– Почему опять Катя? Пусть Мальков пишет вместо того, чтобы рожи строить!

– Леша, бери ручку! – тоном, не терпящим возражений, командует Виноградов.

Пододвинув мне книгу, он медленно, по слогам, диктует, что писать. Я старательно, высунув язык, вывожу слово за словом, предложение за предложением. Работа ответственная – я пишу шариковой ручкой прямо на ватмане. Ластиком ошибку не стереть – уже пробовали, вся надежда на лезвие, которое предусмотрительно притащил из дома Виноградов. Четыре пары глаз пристально следят за моими телодвижениями. Одна ошибка – и расстрел!

Раз в неделю – по воскресеньям мы собираемся в библиотеке клуба имени Горького на занятия кружка «почемучек». Хотя то, чем мы занимаемся в плотно заставленном столами читальном зале, вряд ли попадает под определение кружка. Мы ничего не выпиливаем, не танцуем и не поем. А всего лишь роемся в разных книгах, справочниках и журналах, чтобы ответить на вопросы своих ровесников?

Записки с вопросами юные читатели бросают в картонную коробку с надписью «Для почемучек». А мы, те самые почемучки, раз в неделю их оттуда выуживаем и вместе с ответами помещаем в стенгазету. За время существования кружка вышло шесть газет. Сегодня мы сделаем седьмую. А зав-

тра она будет красоваться на стене под портретами Пушкина и Горького.

– Какие же вы у меня молодцы! – с придыханием произносит библиотечарша Генриетта Николаевна, молодая, умная и красивая женщина. – Ничего подобного у нас в городе еще не было! Вы первые! Представляете, мы этот опыт распространим на весь район, да что там район – на всю область... Скажу по секрету: «почемучками» уже заинтересовалась районная газета «Путь Ильича». Обещали прислать корреспондента... А к октябрьским праздникам самые активные кружковцы будут отмечены почетными грамотами.

Мы от скромности опускаем глаза: мол, зачем? А сами уже представляем себе эти почетные грамоты с портретом Владимира Ильича Ленина.

– Молодцы, полезным делом занимаетесь, ребята, – не унимается Генриетта Николаевна. – Много полезного для жизни узнаете, ведь знание – сила!

Мы молчим. Библиотечарша права. Меня раньше совсем не интересовало, почему пионерский галстук красного цвета, а не синего или желтого. А теперь ночью разбуди – как на духу отвечу, что пионерский галстук красный потому, что он – частица красного знамени, пропитанного кровью тысяч борцов за дело коммунизма. «Как повяжешь галстук, береги его, он ведь с нашим знаменем цвета одного», – написал Степан Щипачев. А мы не только процитировали эти слова в первом выпуске стенгазеты, но и запомнили на всю жизнь.

Или, раз уж зашла речь о пионерском галстуке, скажите, что означают три его конца? Не знаете? Вот и я не знал, пока не пришел в кружок почемучек. А теперь на всю жизнь запомнил: три конца – это знак нерушимой дружбы трех поколений: коммунистов, комсомольцев и пионеров!

2

В кружок «почемучек» я попал волей случая.

Общественные нагрузки и всякие школьные поручения, вроде сбора консервных банок, старых кастрюль и керогазов для победы в соревновании по сдаче металлолома были мне не по нутру. Городские легкоатлетические эстафеты, прыжки в длину и высоту, я вообще не переваривал, как и уроки физкультуры в целом. Не любил я прыгать через «коня», пообезьянны лазать по канату и подтягиваться на перекладине. А после того, как во время упражнения на турнике учитель физкультуры при всем классе назвал меня «вяленой селедкой» – спортивный зал стал для меня камерой пыток.

Другое дело полежать дома на диванчике с «Тремя мушкетерами». Книги я любил с детства. Правда, в школьной библиотеке трепанные, не раз клееные и шитые кордовыми нитками романы Дюма всегда пребывали у кого-то на руках, и чтобы получить желанную книжку приходилось ждать неделями. Но и при таком раскладе к пятому классу все имевшиеся приключенческие произведения я прочитал,

а некоторые даже не по одному разу. Помнил имена всех персонажей. И не пропустил ни одной радиопередачи «Клуб знаменитых капитанов», участниками которой были капитан Немо, Дик Сэнд, Барон Мюнхгаузен, Гулливер, Робинзон Крузо, Тартарен, Артур Грей. Даже выучил их песню. «В шорохе мышином, в скрипе половиц медленно и чинно сходим со страниц. Шелестят кафтаны, чей там смех звенит, все мы капитаны – каждый знаменит».

Вообще читать я научился задолго до школы. По вывескам магазинов. Зная, чем в них торгуют, я находил знакомые буквы и складывал их в слоги: «Мо-ло-ко», «Про-дук-ты», «Тка-ни». Это казалось мне игрой. Разобравшись с самыми трудными «Галантереей» и «Парикмахерской», я взялся за лозунги. По гигантским буквам на крыше госбанка узнал, что есть «Слава КПСС». Над проходной швейной фабрики прочитал, что «Народ и партия – едины!» Но при всей любви к Владимиру Ильичу Ленину, тело которого покоилось в Мавзолее, не мог понять, почему «Ленин и теперь живет всех живых!»

Заметив мою тягу к чтению, за два месяца до поступления в первый класс, бабушка взяла меня за руку и отвела в детскую библиотеку. Имени Надежды Константиновны Крупской.

– Запишите, пожалуйста, этого мальчика, – сказала она, пока я пожирал глазами несметное книжное богатство.

Храм книги произвел на меня куда большее впечатление,

чем храм Покрова Богородицы, куда перед этим затащила меня богомольная бабушка. Глядя в церкви на темные лики святых и подрагивающие огоньки лампад, мне почему-то делалось страшно. А в библиотеке, наоборот, светло и радостно.

Доверчивый, я сразу потянулся к фанерному ящику с детскими книжками, но страшненькая, очкастая, как змея библиотекарьша попробовала меня укусить:

– Он, наверное, и читать-то толком не умеет!

Я оцепенел. А вдруг меня заставят читать взрослую книгу! И тогда до свидания! Привет родителям! Очкастая и в самом деле вынула из ящика толстую книжку:

– Читай, друг любезный!

– Иди-от, – нараспев выдал я.

– Ладно, запишем, – словно делая одолжение, открыла чистый формуляр не понравившаяся мне библиотекарьша.

С четвертого класса, пока соседские мальчишки еще палили друг в друга из пластмассовых пистолетов, я уже играл дома в библиотеку. На сложенных пополам тетрадных листочках красиво выводил цветными карандашами фамилии писателей: Роберт Стивенсон, Александр Дюма, Даниэль Дефо, Джек Лондон... Все мои «книжки» помешались в одной коробке, время от времени я устраивал в ней инвентаризацию и добавлял новых авторов.

А в пятом нашел в куче школьной макулатуры старенькую, но еще вполне сносную книжку рассказов Ивана Серге-

евича Тургенева. Сунул под пиджак и унес домой. С тех пор я, как партизан постоянно, забирался в школьный сарай, где хранилась макулатура. И вскоре к Тургеневу добавились зачитанная до дыр «Хижина Дяди Тома», «Басни» Ивана Андреевича Крылова и второй том из собрания сочинений Виктора Гюго. Я тащил домой все. И на деревянной полке для головных уборов, где пылилась отцовская фетровая шляпа, клетчатая кепка и мамин берет, корешок к корешку выставлял настоящую, а не сделанную из тетрадных листов библиотеку. Я взялся за дело настолько серьезно, что на каждую книгу завел карточку, запасася читательскими формулами – и стал ждать посетителей.

Первым в мои библиотечные сети попал дядя Боря, высокий неопрятный пятидесятилетний сосед с розовой проплешиной на затылке. Он частенько наведывался к бабушке за деньгами. На пиво. Но одним пивом дело не ограничивалось. На следующий день Борис Петрович, с осунувшимся небритым лицом и мешками под глазами, наведывался снова. И просил очередную трешку до первого числа. Первого числа дядя Боря получал зарплату. Тут я его и подловил.

– Борис Петрович, почитать на досуге ничего не желаете?

– Ык, – икнул тот.

– Есть в наличии Виктор Гюго, Гарриет Бичер-Стоу, Тургенев, Крылов...

– Крылов – это тот, что блинами объелся? Давай, если не жалко... Почитаю своей про Мартышку, – взяв книгу, ух-

мыльнулся сосед.

Следующей читательницей стала Настасья Ивановна, восьмидесятилетняя бабушкина подруга, с темным, словно обожженным, морщинистым лицом, несуразно большими руками с уродливыми ногтями. Она приходила к нам каждый вечер на посиделки. В синей курточке-болонья, черном платье и черном платке, она усаживалась возле дверей на табуретку, убирала под себя ноги в резиновых сапогах, и, прикрыв глаза, слушала с бабушкой по репродуктору передачу «Встреча с песней». Пользуясь моментом, я как завзятый агитатор стал уговаривать бабушку Настю записаться в библиотеку.

– Куды? – не понимала та, теребя неопрятный носовой платок. И только после того, как моя бабушка всем своим видом дала ей понять, что это игра и лучше согласиться, уступила. – Записывай!

Я выдал бабе Насте найденную в школьном сарае брошюру «Ветеринарная санитария на молочных фермах». Она все равно не умела читать, более интересные книжки я решил приберечь для других.

– Распишитесь!

Настасья Ивановна поставила в читательском формуляре крестик.

Потом была еще одна бабушкина знакомая – Ольга Александровна. Сосед Никитин с первого этажа. И мой закадычный дружок Витька Бойцов – его я тоже уговорил записать-

ся. И даже выдал самую лучшую книгу «Хижина Дяди Тома». Но где-то через полгода мне надоело выдавать одни и те же книжки одним и тем же читателям. И моя «библиотека» на полке для шляп закрылась до лучших времен.

В пятом классе я записался в школьную библиотеку, напоминающую тесную пыльную кладовку. Двух библиотек мне бы хватило за глаза и за уши. Но Витька Бойцов похвастался, что записан в трех! Такого я, естественно, не перенес. Взял у родителей свое свидетельство о рождении и потопал записываться в библиотеку клуба имени Горького.

3

Володя Виноградов с учительской интонацией зачитал очередной вопрос:

– Когда в нашей стране была создана пионерская организация?

– 19 мая 1922 года на II-ой Всероссийской конференции РКСМ, – блеснул знаниями Генка Мальгин. – Изначально она называлась «Юные пионеры имени Спартака». А 21 января 1924 года, в день смерти Владимира Ильича Ленина, ей было присвоено его имя.

– Мальков, записывай! – на этот раз командует Борисова.

– Записываю, – пыхчу я. – 19 мая 1922 года... Ну, и вопросы сегодня, как на пионерском собрании! Вот в прошлый раз, помню, девочка задала вопрос: почему волка на-

зывают «санитаром леса»? А какой-то мальчик спрашивал: сколько лет живут слоны?

– Мальков, не отвлекайся! Смотри, чего пишешь: ВЛКСМ, а надо РКСМ!

Я понимаю, сейчас меня убьют, но выручает Витька Бойцов:

– А знаете, как СССР расшифровывается? – интригующе произносит он и тут же выдает: – Старик Стирал Старухины Рейтузы! А как США знаете?

Мы молчим.

– Средняя Школа Алкоголиков. – Витька в запале. Если его не остановить, он всеми способами будет стараться всех рассмешить. И точно, припав к моему уху, он поет: «Один американец засунул в жопу палец и думает, что он заводит граммофон!»

Я прыскаю со смеху. Сзади подкрадывается Генриетта Николаевна. На библиотечарше длинная замшевая юбка с большими пуговицами вдоль разреза и ярко-голубой свитер. Светлые, крашенные волосы зачесаны назад и схвачены пластмассовой заколкой.

– Ну что мои золотые? – улыбается она ярко-красными напыженными губами. – Не слишком сложные вопросы?

– Ерунда! – по-деловому отвечает Виноградов, тайно влюбленный в библиотечаршу. – Но Мальков говорит, что как на пионерском собрании.

– Леша, правда?

– Ага, – отвечаю я. – Лучше бы спросили, сколько лет живут обезьяны...

– А при чем тут обезьяны? – не понимает Генриетта Николаевна. – Хорошие вопросы. В библиотеке записано сорок семь читателей школьного возраста. Им все интересно. Когда создана пионерская организация, каким законам подчиняются советские пионеры, как погибли Павлик Морозов и Володя Дубинин. Или ты думаешь, что это я специально такие вопросы подбираю?

Я молчу, потому что действительно так и думаю. Но не понимаю, зачем? В подобных ситуациях мама мне говорит: промолчишь – за умного сойдешь.

– Пиши внимательнее, догадливый ты наш, – ласково тербит мои волосы библиотекарьша. И уже ко всем: – А все-таки хорошее мы, ребята, дело делаем! После революции пионеры помогали бороться с беспризорностью, создавали в деревнях пионерские отряды, сами учились читать и писать и других учили. А вы помогаете ребятам найти ответы на интересующие их вопросы. Правильно, Катя?

– Да, Генриетта Николаевна, – как у школьной доски отвечает Борисова.

– Умница!

– А какой мы скоро будем отмечать праздник?

– Великую октябрьскую социалистическую революцию, – говорит Виноградов.

– Правильно, Володя. И поэтому вопросы в нашей стен-

газете должны быть серьезные, а не какие-нибудь примитивные, вроде, сколько ног у сороконожки. Конечно, и такие вопросы имеют право на существование, но на них мы ответим в следующем номере. А теперь вопрос на засыпку, дорогие мои пионеры. В чем заключается торжественная клятва советского пионера? Помолчи, Володя. Пусть Мальков ответит.

– Горячо любить свою Родину, – боясь что-то напутать, припоминаю я. – Жить, учиться и бороться, как завещал великий Ленин, как учит Коммунистическая партия...

– Молодец!

Как только мы выходим на улицу, Витка Бойцов отводит душу:

– Катька – дура, хвост надула, и по речке поплыла! А Володька – дурачок съел опарышей бачок.

4

Из нашего 6 «б» класса в библиотеку клуба имени Горького я записался в первой тройке. После Витки Бойцова и Катьки Борисовой.

– Валерий Павлович Мальков, заведующий промышленно-транспортным отделом горкома партии не твой отец будет? – открыв мое свидетельство о рождении, спросила библиотекарьша.

– Нет.

– Что любишь читать?

Наверное, она ожидала услышать что-нибудь избитое: про войну, приключения или про животных.

– Гоголя – выдал я. – У вас есть Николай Васильевич Гоголь?

– Конечно. Вот, пожалуйста, целое собрание сочинений в семи томах. Что интересуется?

– «Вий».

«Вий» нашелся во втором томе, сразу за «Тарасом Бульбой».

– А я еще «Вечера на хуторе близ Диканьки», – не уходил я от полки.

– Ты, Мальков, в каком классе учишься? – насторожилась библиотекарьша. – В шестом. И хочешь сразу два тома Гоголя взять! Давай так: сначала один прочитаешь, потом за другим придешь.

– Я быстро читаю, – боясь, что с одним из томов придется расстаться, канючил я. – У меня для чтения книжек даже специальная подставка есть...

Я не врал. Зная как бережно относился к книгам Гоголь, я сколотил дома из фанеры подставку для чтения книг.

– Ладно, Мальков, получишь оба тома. Но раз ты такой заядлый книголюб, записываю тебя в кружок «почемучек». В воскресенье первое занятие! Придешь?

– Приду, – ответил я. И только после того, как расписался за книги, спросил: – А что за кружок?

– Кружок «почемучек»? – вскинула брови библиотекарьша. – Это новое начинание в работе со школьниками, где младшие ребята задают вопросы о том, что их интересует, а старшие ищут на них ответы.

Так в одночасье я стал не просто читателем, а еще членом кружка «почемучек». Больше всего в отличие от детской библиотеки мне здесь нравилось, что в читальный зал можно было приходить в любое время. Днем. Вечером. Брать любой из разложенных на столиках журналов. Особенно мне нравился «Советский воин». Его можно было рассматривать часами – столько там всего интересного. Фотографии ракет, танков, самолетов – так бы все и выстриг. На следующий день после военного парада в Москве я бежал к киоску «Союзпечать» и покупал «Правду», «Известия», «Труд», «Советскую Россию». Вырезал из газет фотоснимки военной техники и приклеивал в альбом для рисования. Такого альбома в классе не было ни у кого.

И вот пока я как-то вечером, сидя в углу за кадками с фигурами, разглядывал картинки в журнале «Советский воин», в библиотеку пришел круглолицый молодцеватый мужчина. На нем был темно-синий костюм, клетчатая рубашка и черный в белую горошину галстук. Судя по тому, что к библиотекарской стойке, он прошел, слегка пританцовывая, у незнакомца было хорошее настроение.

– Здравствуй, радость моя! – пропел он, обнимая библиотекаря. – Какие планы на вечер?

– Петр Аркадьевич! Петр Аркадьевич! – уворачиваясь от его объятий, зашептала Генриетта Николаевна. – Мы же не одни!

– А кто тут еще? – воровато оглядываясь вокруг, насторожился Петр Аркадьевич. – Дремлющий пацан под фикусом не в счет! – Мужчина перешел на шепот, но мне все равно было слышно, о чем он говорит. – А я сегодня опять один, представляешь? Супруга укатила в губернию на научно-практическую конференцию... На два дня... Приглашаю в гости...

– Петр Аркадьевич, что вы такое говорите! – рассмеялась библиотечка. – Кот на крышу – мыши в пляс?

– Ты моя лучшая кошечка...

Как я старался не смотреть в их сторону, глаза все равно не слушались. Мне было видно, как, встав позади тети Геты, мужчина обнимает ее за шею.

– Я не слышу твоего «да»...

– А я твоего...

– В смысле?

– В смысле приема кандидатом в члены партии... Третий месяц обещаешь поставить на парткоме мой вопрос...

– Поставим, Геточка, обязательно поставим! И примем, как только будет возможность... Поверь, я от своих слов не отказываюсь. Пока познакомишься с программой и уставом КПСС, проявишь свои личные качества... Ты же не маленький ребенок, прекрасно понимаешь, что это не так-то

просто.

– Вот и ты меня, Петя, пойми, мне тоже не так просто ходить к тебе ночевать...

– Геточка, послушай меня, для вступления нужны рекомендации...

– Так напиши! Или за полгода наших встреч ты во мне еще не разобрался?

– Не надо путать личное с общественным. Я все-таки секретарь парткома и не могу писать рекомендации. Это должны сделать коммунисты со стажем...

– А ты их попроси! Как секретарь парткома! Или я сама попрошу. Завтра подойду к Надежде Федоровне Гореловой, нашей прославленной ударнице коммунистического труда, кажется, она не плохо ко мне относится. Или к Борису Матвеевичу Воронько, тоже заслуженному человеку, кавалеру ордена Трудового Красного Знамени.

– Но он не член КПСС... Геточка, пойми, тут дело, в общем-то, не в рекомендациях...

– А в чем?

– Как бы тебе сказать...

– Как есть, так и скажи!

– Пойми меня правильно. В горкоме партии существует установка, что на одного вступающего ИТР нужно принять трех рабочих. А библиотекарь – это такой же ИТР, как скажем, начальник транспортного цеха... У нас же полгода лежит заявление от главного инженера Петрова, вчера напи-

сала заявление заведующая столовой Климова Мария Александровна...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.